This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

PG 3350 Z8S568

LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

Smirnov

А. И. Смирновъ.

ТРИ РѢЧИ

объ

А. С. ПУШКИНѢ.

Оттискъ изъ „Русск. Филолог. Вѣстника"

ВАРШАВА.
Типографія Варшавскаго Учебнаго Округа.
Краковское-Предмѣстье № 3.

1899.

PG 3350
Z8 S568

Дозволено Цензурою.
Варшава, 18 октября 1899 года.

Александръ Пушкинъ

Изъ послѣднихъ лѣтъ
жизни и литературной дѣятельности
А. С. Пушкина.

Чтеніе для торжественнаго акта въ Императорскомъ Варшавскомъ Университетѣ 26 мая 1899 года (день отданія Пасхи).

Слово самаго многочисленнаго изъ славянскихъ языковъ, слово великаго народа русскаго раздается теперь подобно красному звону въ Свѣтлый пасхальный праздникъ по всему лицу русской земли во славу величайшаго художника русскаго слова. Во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Россіи — высшихъ, среднихъ и низшихъ чествуется рѣчами и чтеніями наша слава, нашъ великій Пушкинъ. Исполнившееся столѣтіе со дня рожденія русскаго поэтическаго генія наполняетъ наши сердца восторженной радостью. Нашъ величайшій поэтъ, родоначальникъ новой вполнѣ самостоятельной русской литературы, своими произведеніями поставилъ насъ въ словесномъ искусствѣ наряду со всѣми просвѣщенными народами міра. Наша радость усугубляется еще и тѣмъ, что настоящее торжество, имѣющее домашній характеръ, какъ посвященное чествованію одного изъ великихъ событій русской жизни, совпало съ болѣе широкимъ торжествомъ русскаго поэтическаго генія, русской мысли, выраженной русскимъ художественнымъ словомъ. Романъ—Воскресеніе, послѣднее произведеніе гр. Л. Н. Толстого, какъ одного изъ достой-

ныхъ выразителей чаяній и упованій великаго родоначальника оригинальной русской поэзіи, съ необыкновеннымъ интересомъ читается теперь во всемъ образованномъ мірѣ, во всѣхъ частяхъ свѣта.

Желая почтить дорогую для русскихъ людей память Александра Сергѣевича Пушкина, я предложу вашему благосклонному вниманію свое чтеніе — Изъ послѣдняго періода жизни и литературной дѣятельности нашего великаго поэта. Въ своемъ чтеніи о жизненныхъ невзгодахъ, которыя испытывалъ Пушкинъ и отъ которыхъ страдалъ, о его взглядахъ на литературу, о религіозныхъ его воззрѣніяхъ и идеальныхъ стремленіяхъ я буду говорить словами Пушкина. По моему мнѣнію, эти дорогія слова самого виновника настоящаго свѣтлаго праздника, вошедшія въ произведенія и письма поэта, или же записанныя современниками (преимущественно А. О. Смирновой) [1]),

---

[1]) Для болѣе вѣрнаго изображенія жизни и дѣятельности историческаго лица, кромѣ свидѣтельствъ о немъ современниковъ и совершенныхъ имъ дѣлъ, большимъ подспорьемъ служатъ оставленныя имъ записки о своей жизни и дѣятельности. П. съ пятнадцатилѣтняго возраста началъ понимать свое настоящее призваніе, началъ онъ тогда же помышлять и о томъ; чтобы остаться безсмертнымъ въ памяти потомства (Соч. подъ ред. Морозова, т. I, стр. 47 и стихотвореніе «Городокъ» 1814 г.), въ 1818 г. онъ писалъ:

Великимъ быть желаю,
Люблю Россіи честь,
Я много обѣщаю,
Исполню ли — Богъ вѣсть!
(Соч. П. т. I, стр. 196).

Съ этого же времени онъ принимается и за мемуары. Записки о своей жизни и дѣятельности П. велъ въ лицеѣ (1815—17), въ Кишиневѣ (1821) и въ Михайловскомъ (въ 1825 г.), но онѣ были уничтожены; изъ нихъ сохранилось лишь нѣсколько отрывковъ.

Въ 1825 г., по поводу гибели записокъ Байрона, П. считалъ даже унизительнымъ удовлетворять любопытству толпы, которая жадно читаетъ записки геніальныхъ людей, чтобы, какъ

лучше освѣтятъ его личность, больше послужатъ ему во славу, чѣмъ моя собственная рѣчь, мое слово.

Первый періодъ литературной дѣятельности Пушкина начался съ 1814 года, на пятнадцатомъ году жизни поэта, и продолжался до 1826 года. Изъ этого періода П. вышелъ съ огромною славою. Своими произведеніями онъ возбудилъ великій восторгъ у читателей и стараго

говорилъ онъ, видя слабости ихъ, оправдывать ими свои (т. VII, стр. 160). Послѣ П. считалъ такіе мемуары замѣчательныхъ людей полезными для историковъ (Зап. Смирн. 126). Но самъ онъ во второй періодъ своей жизни мемуаровъ не писалъ. Такимъ образомъ, при изложеніи фактовъ жизни П. и разсмотрѣніи литературной дѣятельности его часто мы лишены возможности знать то, какъ самъ П. относился къ окружавшимъ его явленіямъ жизни и какими побужденіями онъ руководился въ своей дѣятельности. Этотъ важный недостатокъ значительно восполняютъ записки его современницы Александры Осиповны Смирновой, урожденной Де Россетъ. Представленный ей въ 1827 г. П. до самой смерти питалъ къ ней глубокое уваженіе и съ большимъ довѣріемъ раскрывалъ предъ ней свою душу. Дѣйствительно, Смирнова была женщина замѣчательная. Съ свѣтлымъ умомъ она соединяла въ себѣ довольно широкое и основательное образованіе, отличалась искренностью обращенія съ людьми и теплотою чувства. П. сравнивая ее съ Татьяной Лариной, находилъ ее однакоже умнѣе Татьяны, а Гоголь называлъ ее перломъ русскихъ женщинъ.

Смирнова съ перваго же знакомства оцѣнила благовоспитанность П., его прямой характеръ и необыкновенный умъ. Съ начала знакомства она стала заносить въ свой дневникъ все, что замѣчала въ характерѣ и поступкахъ П. и все, что онъ говорилъ. При продолжительныхъ бесѣдахъ въ обществѣ литераторовъ, ученыхъ и образованныхъ людей, которые собирались у ней, или у Карамзиной, Смирнова записывала все, что говорилось. Особенно вѣрно она записывала сказанное Пушкинымъ, который перечитывалъ ея записки, лишь кое что находилъ нужнымъ исправить и увѣрялъ, что она настоящая стенографистка (Зап. Смирновой 154, 163, 272). По словамъ дочери (Ольги Николаевны Смирновой), А. О. Смирнова поняла историческое значеніе Пушкина.

по рукамъ. Всѣ экспромпты, сочиненныя мною, записывались и разносились. Сколько враговъ создали мнѣ друзья и почитатели. Сохрани меня, Боже, отъ нихъ! Они даже подставили имена, о которыхъ я и не думалъ. Мнѣ приписывали глупыя и неприличныя эпиграммы, которыхъ я въ жизни не сочинялъ. Я и такъ краснѣю за то, что написалъ; я хотѣлъ бы взять все назадъ и сжечь. Къ несчастію, успѣли такъ много переписать, что мнѣ никогда не собрать всего; но увѣряю васъ, что никогда не убивалъ ни грамматики, ни здраваго смысла, а мнѣ приписываютъ всѣ глупости, которыя теперь ходятъ по рукамъ" [1]).

Послѣ написанія «Бориса Годунова», когда Пушкинъ сознаръ, что силы его совершенно созрѣли, что можетъ творить вполнѣ самостоятельно, онъ разсчитывалъ и на особенное вниманіе къ нему тогдашняго образованнаго общества; но разсчеты его оказались невѣрными. Именно, съ самаго начала второго періода его дѣятельности прежнее вниманіе, прежнее восторженное отношеніе къ нему начинаютъ охладѣвать, а потомъ стали слышаться упреки за то, что онъ измѣнилъ своимъ прежнимъ стремленіямъ, что онъ уклоняется отъ прямыхъ интересовъ и насущныхъ потребностей общества. Пушкинъ сознавалъ ясно, что гражданскіе его идеалы стали выше, чѣмъ прежде, что они основаны на дѣйствительныхъ нуждахъ русскаго народа, а не навѣяны извнѣ и интересны только для одной части общества. Всѣ стремленія и вся дѣятельность Пушкина за послѣдній періодъ именно и посвящены были проведенію въ жизнь этихъ идеаловъ. Но общество холодно принимало его новыя произведенія

---

[1]) А. О. Смирнова записала еще: „Они (гости у Карамзиной) цитируютъ П. вкривь и вкось; всѣ глупости въ стихахъ и прозѣ, которыя ходятъ по рукамъ, приписываютъ ему. Нѣкоторые это дѣлаютъ только для того, чтобы показать, какъ они интимны съ П., другіе изъ злости, или по глупости" (ср. Соч. П., т. VII, стр. 183).

и осыпало его упреками. Въ своихъ бесѣдахъ съ друзьями Пушкинъ жаловался на неосновательность этихъ нападокъ. О стихотвореніи «Кинжалъ» онъ говорилъ: „Это плохо, высокопарно! На самомъ дѣлѣ есть два, три хорошихъ стиха, но теперь я гораздо требовательнѣе. Мнѣ кажется, что это стихотвореніе писалъ я на ходуляхъ. Какъ человѣкъ глупъ, когда онъ молодъ. Мои герои того времени скрежещутъ зубами и заставляютъ скрежетать зубами меня самого". Въ другой разъ, по поводу разговора о Байроновскихъ герояхъ, Пушкинъ сказалъ: „Я также не безъ грѣховъ юности, но это кончено. Я болѣе зубами не скрежещу и не переряживаю моихъ героевъ въ чужое платье, а между тѣмъ какой успѣхъ тогда я имѣлъ! Теперь успѣхъ мой меньше, а мнѣ кажется, что я работаю лучше".

Стихотворенія Пушкина «Поэтъ» (1827 г.), «Чернь» (1828 г.) и «Поэту» (1830 г.) дали нѣкоторымъ современникамъ поводъ къ упрекамъ, что П. уклоняется отъ гражданскихъ обязанностей ради служенія чистому искусству; но П. считалъ такіе упреки несправедливыми. Онъ говорилъ нѣсколько лѣтъ спустя по написаніи этихъ стихотвореній: „Я продолжаю думать, что поэтъ стоитъ не выше, чѣмъ окружающіе его люди, до того момента, когда заговоритъ божество. Поэтъ вдохновенъ, это несомнѣнно. Бываютъ часы, когда я не могъ бы написать двухъ строкъ, а въ часъ божества стихи льются, точно вода. Но затѣмъ иногда приходится пересмотрѣть, измѣнить, исправить. Божество даетъ мысли, чувства, но кромѣ того есть еще искусство, и это уже дѣло завтрашняго дня. Я часто встаю ночью, чтобы писать уже послѣ сна. Какая нибудь мысль меня преслѣдовала съ вечера, но я не могъ тотъ часъ ее выразить; я долженъ былъ ею проникнуться до глубины души, ей надобно было улечься въ гармоническіе аккорды. Тогда въ душѣ моей происходитъ какое то пробужденіе, что я и высказалъ въ своемъ Поэтѣ. Но если чернь меня не понимаетъ, если разныя посредственности не чувствуютъ того, что

чувствую я, это не даетъ мнѣ никакого права отдаляться отъ человѣчества, такъ какъ прежде чѣмъ быть поэтомъ я человѣкъ и гражданинъ“ [1]).

Изъ письма къ Погодину отъ 1832 года видно, что Пушкину особенно непріятно было несправедливое отношеніе къ нему критики или лучше близорукое сужденіе о новыхъ его произведеніяхъ. „Меня лѣтъ 10 сряду хвалили, писалъ онъ, Богъ вѣсть за что, а разругали за Годунова и Полтаву. У насъ критика, конечно, ниже даже и публики, не только самой литературы“ [2]).

Сѣтуя на отсутствіе у насъ настоящей литературной критики и видя въ этомъ большой вредъ для литературнаго и общественнаго развитія, Пушкинъ самъ рѣшился приняться за установленіе ея. Онъ вполнѣ увѣренъ былъ въ своихъ силахъ и, собираясь основать свой собственный журналъ, говорилъ, что въ немъ будетъ и хорошая критика. Пушкинъ оставилъ намъ только нѣсколько образцовъ такой критики. Своими сужденіями о нашихъ писателяхъ XVIII вѣка онъ положилъ начало критики по русской литературѣ, а въ краткихъ замѣткахъ о нѣкоторыхъ иностранныхъ писателяхъ обнаружилъ вѣрное пониманіе характера и духа литературъ западно-европейскихъ. Въ этихъ литературахъ Пушкинъ обладалъ обширными свѣдѣніями и въ своихъ бесѣдахъ о нихъ, по отзыву великаго знатока иностранныхъ литературъ В. А. Жуковскаго, обнаруживалъ большое критическое чутье.

Съ юныхъ лѣтъ перечитавши множество иностранныхъ литературныхъ произведеній, особенно французскихъ XVIII в., Пушкинъ продолжалъ свое ознакомленіе съ ни-

---

[1]) О неосновательности предположенія Шевырева и многихъ другихъ, что въ стихотвореніи «Чернь» П. далъ цѣльную художественную теорію, выработавъ ее подъ вліяніемъ Шеллинга, смотри у Л. Майкова: «Пушкинъ», стр. 344—346.

[2]) Срав. сужденія П. о нашей критикѣ. Соч. П., т. VII стр. 175, 236, 282.

ми и во второй періодъ своей жизни. Особенно онъ читалъ и перечитывалъ геніальныхъ писателей, великихъ учителей и воспитателей человѣчества, которые, по его словамъ, имѣютъ „вліяніе на современныхъ писателей, или скорѣе на весь міръ со времени христіанства, на весь міръ, у котораго есть постоянно развивающаяся литература“. Благодаря имъ, преимущественно же Байрону и Шекспиру, Пушкинъ вышелъ на самостоятельную дорогу, сдѣлался вполнѣ національнымъ поэтомъ, поэтомъ реалистомъ. Онъ читалъ и изучалъ геніальныхъ писателей „въ надеждѣ открыть новые міры, стремясь по слѣдамъ генія“, какъ онъ писалъ потомъ. И эти новые міры не только открылись предъ нимъ, но и живо воспроизведены были имъ въ его произведеніяхъ. Какъ геній всеобъемлющій, отличающійся всемірной отзывчивостію, Пушкинъ создаетъ во второй періодъ своей жизни такія произведенія, какъ «Скупой рыцарь», «Каменный гость», «Сцены изъ Фауста» и др. Въ этихъ произведеніяхъ изъ иностранной жизни Пушкинъ обнаружилъ необыкновенную способность перевоплощенія своего духа въ духъ, въ геній чужихъ народовъ. По словамъ нашего знаменитаго Достоевскаго, такое полное перевоплощеніе, какъ у Пушкина, — явленіе невиданное и неслыханное въ другихъ литературахъ.

Великіе міровые писатели плѣняли живое воображеніе Пушкина; онъ восхищался ими, какъ бы жилъ съ ними духомъ, постоянно видѣлъ ихъ предъ собою и не желалъ бы никогда разлучаться съ ними. Онъ говорилъ, что хотѣлъ бы увидѣть на томъ свѣтѣ Данте, Шекспира, Паскаля, Эсхила, Байрона и Гете. Даже въ краткихъ отзывахъ Пушкина сказывается широкое пониманіе и вѣрная оцѣнка ихъ дѣятельности. „Произведенія Шекспира“, говорилъ Пушкинъ, „это цѣлый міръ, Шекспиръ не только поэтъ, но великій философъ, какъ творецъ цѣлаго человѣчества [1]), Фаустъ Гете — это послѣднее слово нѣмец-

---

[1]) Одну изъ своихъ рѣчей о Шекспирѣ и его произведе-

кой науки, какъ Божественная комедія Данта — это альфа и омега человѣческой мысли со временъ христіанства [1]). Донъ-Кихотъ Сервантеса — это образецъ правдивости, Донъ-Кихотъ и Санчо-Панса—это идеальное и реальное, духъ и тѣло". „Байрона", говорилъ Пушкинъ, „можно читать долго и непрерывно; у него было положительное религіозное чувство, хоть его и обвиняли въ атеизмѣ (не читая его); онъ не смѣшивалъ Христа съ христіанами, ни Бога съ деспотами" [2]).

Изученіе великихъ поэтовъ всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ Пушкинъ считалъ необходимымъ для насъ, для нашего эстетическаго, умственнаго и нравственнаго развитія. Кромѣ величайшихъ поэтовъ христіанскихъ, Пушкинъ указывалъ и на древнихъ языческихъ. Онъ говорилъ: „Необходимо изучать древнихъ, чтобы быть вполнѣ просвѣщенными; у насъ недостаточно изучаютъ классиковъ". Но Пушкинъ и въ древней и средней и новой исторіи указывалъ на писателей, чтеніе которыхъ можетъ принести вредъ особенно молодому поколѣнію. „У древнихъ", говорилъ онъ, „есть писатели пристойные — Го-

---

ніяхъ Пушкинъ закончилъ словами: „Нѣтъ ни одной стороны души, ума, сердца, характера, слабостей, страстей, пороковъ, добродѣтелей, которыхъ бы онъ не наблюдалъ и не описалъ, отъ зерна и корня человѣческаго растенія, до его послѣдняго листа, цвѣта, плода" (сравни также Письма къ Раевскому 1825 г.—1829 г.).

[1]) Въ другой разъ Пушкинъ говорилъ: „Данте и Шекспиръ — два гиганта, создавшіе цѣлое человѣчество. Фаустъ — есть полное выраженіе германскаго генія". О Гете Пушкинъ еще такъ отозвался: „Эти сыны Аполлона (Гете и Шиллеръ) оба обладаютъ талантомъ — просто выражать простыя вещи. Нельзя представить себѣ, какъ это трудно, хотя и кажется, что быть простымъ очень просто" (Зап. Смирн., 187).

[2]) Въ противоположность Шелли, который „не понималъ того, что страданіе есть Божіе опредѣленіе, что оно возвышаетъ и очищаетъ; онъ (Шелли) видѣлъ въ немъ (страданіи) неумолимый рокъ, постановленіе безжалостнаго и деспотическаго существа".

меръ, Гезіодъ, Эврипидъ, Софоклъ, Виргилій, Эсхилъ; но есть у нихъ комедіи малопристойныя, есть у нихъ поэты вольные и циничные. Но все же они неизмѣримо менѣе развратны, чѣмъ нѣкоторые французы, а подъ вліяніемъ этихъ французовъ я и написалъ поэму, которая мутитъ мнѣ сердце и рукопись которой я очень желалъ бы уничтожить; её переписали, такъ какъ я не предназначалъ ее для публики. Эта поэма тяготитъ мою совѣсть. А мысль о созданіи этой вещи, о которой я не могу вспомнить безъ краски стыда, зародилась во мнѣ при чтеніи гнуснаго произведенія Вольтера—Жанна д'Аркъ" [1]). — „Руссо, по моему мнѣнію", говорилъ Пушкинъ, „писатель безнравственный. Онъ изображаетъ своего героя и героиню добродѣтельными, тогда какъ они противоположны добродѣтели. Идеализировать запрещенныя страсти безнравственно". Смотря на литературу, какъ на воспитательницу общества, Пушкинъ объ одной драмѣ (Альфреда де Виньи) съ апологіей самоубійства, такъ высказался: „Найдутся подражатели, которые перестрѣляются, чтобы говорили о нихъ въ продолженіи 24 часовъ; а тщеславіе свойство такое глупое и настолько исторически присуще человѣчеству, что для того, чтобы заставить о себѣ говорить, станутъ стрѣляться. Опасно проповѣдывать тезисы такого рода, такъ какъ надо щадить неразуміе читателей".

---

[1]) Пушкинъ говорилъ еще: „Я пріобрѣлъ репутацію неисправимаго скептика и маловѣра за то, что написалъ скверную эротическую поэму, навѣянную чтеніемъ Грессе, Пирона и Парни, который сводилъ съ ума до меня и дядю моего Василія и Дмитріева, друга Вяземскаго, и Батюшкова, что совершенно не понятно, потому что, если можно находить удовольствіе въ чтеніи древнихъ писателей, наименѣе стыдливыхъ, какъ Луканъ, Проперцій, Петроній, Катуллъ, Тибуллъ, Овидій, Аристофанъ и т. п., это объясняется по крайней мѣрѣ получаемымъ отъ нихъ эстетическимъ наслажденіемъ, котораго не даютъ представители легкой музы во Франціи" (Зап. См., 140).

Въ 18 столѣтіи, когда у насъ шло широкое ознакомленіе съ иностранными литературами, когда усваивались всѣ литературныя формы, выработанныя и у классическихъ народовъ и у западно-европейскихъ, мы были вполнѣ увѣрены, что у насъ есть своя литература, подобная западно-европейской, что у насъ есть свои Пиндары, Расины, Мольеры, Стерны, Лафонтены и др. Эта увѣренность въ великомъ достоинствѣ и полнотѣ нашей литературы держалась у насъ до Пушкина. Но Пушкинъ, когда указывали ему на нашихъ славныхъ писателей — Ломоносова, Державина, Фонъ-Визина, Карамзина, Жуковскаго, Крылова, Батюшкова и Грибоѣдова, говорилъ: „Это не составляетъ полной литературы, я называю это другимъ именемъ: это горсточка писателей, въ которой я признаю геній, талантъ... Ломоносовъ былъ даже научный геній, онъ нашъ первый университетъ". „Мы, русскіе, писатели", говорилъ онъ, „только букетъ, рощица среди степи, а не лѣсъ съ деревьями высокими и низкими, съ кустами, растеніями, цвѣтами и разнообразными мхами. Мы иногда слишкомъ литературны; это говорю въ томъ смыслѣ, что мы только писатели, что мы живемъ внѣ всякихъ человѣческихъ и общихъ интересовъ". Эти то общіе, общечеловѣческіе интересы Пушкинъ и хотѣлъ видѣть въ русской литературѣ.

При своемъ обширномъ знаніи иностранныхъ литературъ, Пушкинъ ясно представлялъ себѣ процессы развитія этихъ литературъ. Самое естественное развитіе литературы и вмѣстѣ съ тѣмъ самое полное Пушкинъ находилъ у грековъ и съ удивительной ясностію, простотою и поэтическою живостію и образностію передавалъ объ этомъ свои мысли. „Древніе", говорилъ онъ, „уже позже установили свои правила относительно красоты, искусства, краснорѣчія. У грековъ литература развилась постепенно естественнымъ ходомъ человѣческаго развитія. И это была счастливая эпоха, когда именно мало занимались литературой, а просто жили — и жизнь создавала произведенія, отражавшія ее. Въ то же время родились

музы — всѣ въ одинъ день вмѣстѣ со своимъ регентомъ Аполлономъ. Только онѣ прежде всего стали плясать и пѣть, что народъ вездѣ дѣлаетъ и до сихъ поръ. Онѣ дали своимъ танцамъ и пѣснямъ извѣстный ритмъ, дали извѣстный размѣръ и тѣмъ стихамъ, которые онѣ пѣли. Это явилось само собою. Онѣ разнообразили этотъ размѣръ и начали говорить стихи вмѣсто того, чтобы ихъ пѣть, и ритмъ родился совершенно естественно изъ музыкальной мелодіи. Ритмъ даже замѣнилъ музыку, какъ только начали декламировать стихи. Вотъ вамъ греческая почва, священный лѣсъ грековъ. Онъ сталъ священнымъ лѣсомъ для всѣхъ народовъ, для насъ также. Къ намъ проникло множество языческихъ легендъ. Во всѣхъ европейскихъ государствахъ почвой были легенды. Эта литература является сначала религіозной, а затѣмъ уже становится эпической. У скандинавовъ, у готовъ, у англосаксонцевъ, у славянъ, у иберійцевъ, у тевтоновъ, у всѣхъ ихъ основа одна и та же; у всѣхъ этихъ народовъ были или барды, или скальды, или баяны. Эта то общая почва вмѣстѣ съ религіей и создала поэзію, какъ напр. въ Греціи". Пушкинъ признавалъ необходимость взаимодѣйствія народовъ въ литературномъ дѣлѣ и указывалъ на то, какимъ образомъ при заимствованіяхъ можно не сдѣлаться подражателемъ и сохранить свою оригинальность. „Народы", говорилъ онъ, „заимствуютъ или сочетаютъ болѣе или менѣе удачно свою почву съ почвой другихъ народовъ. Но при этомъ сочетаніи они могутъ не терять оригинальности. Оригинальность лежитъ въ родной почвѣ и въ пріемахъ сліянія ея съ чужою почвой".

Славянофилу Хомякову, который указывалъ Пушкину на славянскую или русскую народную поэзію, какъ на единственную основу самостоятельнаго національнаго развитія у насъ литературы, онъ отвѣчалъ, что этотъ стволъ этотъ корень только одно изъ развѣтвленій, только почва, на которой выростаетъ литература. Послѣ этого онъ говорилъ своимъ друзьямъ: —„Я не могу перестать быть русскимъ, не чувствовать какъ русскій, но я долженъ

заставить понимать себя всюду, потому что есть вещи общія для всѣхъ людей. Библія—еврейская книга, а между тѣмъ она всемірна; книга Іова (съ которой Байронъ никогда не разставался) содержитъ всю жизнь человѣческую, она переживетъ вѣка, а мѣстныя пѣсни никогда не могутъ быть вѣчны. Недостаточно имѣть только мѣстныя чувства; есть чувства и мысли всеобщія и всемірныя. И если мы ограничимся только своимъ русскимъ колоколомъ, мы ничего не сдѣлаемъ для человѣческой мысли и создадимъ только приходскую литературу".

Высказывая свои взгляды на литературу, Пушкинъ постоянно обращалъ вниманіе на то, чтобы она, кромѣ доставляемаго ею удовольствія и эстетическаго наслажденія, оказывала и болѣе благотворное вліяніе на людей. На видное мѣсто онъ ставитъ въ литературѣ элементъ религіозный, въ языческомъ мірѣ — элементъ естественной религіи, а въ христіанскомъ — религіи Божественнаго откровенія [1]). Это религіозное чувство онъ отмѣчалъ въ произведеніяхъ великихъ учителей всемірной литературы — Гомера, Данта, Шекспира, Гете, Мильтона, Байрона и друг., въ противоположность писателямъ упадка жизни въ Италіи и особенно—французскимъ писателямъ XVIII в., у которыхъ не находилъ этого религіознаго чувства; у нихъ онъ отмѣчалъ и осуждалъ идеализированіе человѣческихъ страстей, утонченную развращенность и безнравственность [2]). Онъ говорилъ, что „великая революція, не настолько исправила свѣтъ, какъ увѣря-

---

[1]) „Полагаю, что добрые люди христіане всегда будутъ добрыми гражданами", говорилъ П.

[2]) П. говорилъ: „Италія въ XVII и XVIII в. впала въ язычество и это было причиной ея упадка. Великіе поэты Италіи — христіане: Данте, Петрарка, Тассъ" (Зап. См. 151).

„Въ XVIII в. французскій умъ дошелъ до своего высшаго разцвѣта, онъ началъ вышучивать, а въ этомъ нѣтъ ничего народнаго, такъ какъ народъ никогда не вышучиваетъ. Раблэ не вышучиваетъ, а шутитъ, его неприличныя выраженія не развратны, а только грубы, какъ и всѣ народныя шутки. Въ XVIII

ютъ. Свѣтъ сбился съ пути. Существуетъ первородный грѣхъ. А онъ состоитъ въ томъ, что мы всѣ слишкомъ язычники. Вотъ въ чемъ первородный грѣхъ. А между тѣмъ мы всѣ крещены. Мы слишкомъ предаемся страстямъ; а наши страсти всегда будутъ антихристіанскими. Прощеніе явилось вмѣстѣ съ христіанствомъ, именно потому, что оно такъ человѣчно. Кротость христіанская совсѣмъ не такова, какъ у язычника, который прощалъ изъ великодушія, душевнаго благородства и величія, но никоимъ образомъ не изъ состраданія или доброты. Они (язычники) не знали радости прощенія и смиренія, которыя божественно человѣчны".

Религіозные вопросы особенно занимали Пушкина въ послѣдніе годы его жизни. Но и раньше онъ пытался уяснить себѣ ихъ посредствомъ чтенія философскихъ книгъ и книгъ Св. Писанія. За занятія первыми онъ подвергся несправедливымъ обвиненіямъ въ атеизмѣ. Изъ Одессы въ 1824 г. Пушкинъ писалъ другу, что беру уроки ате-

---

же стол. развращенность была утонченная (особенно у Вольтера)" (Зап. См., 160. Сравни Соч. П., т. V, стр. 248)

„Я нахожу, что грубость лучше, чѣмъ изящная непристойность. Въ XVIII в. становились все болѣе и болѣе язычниками; даже англичане, подражавшіе французамъ и такъ восхищавшіеся ими, стали изящными язычниками (впрочемъ ихъ немного). Развращенность подъ видомъ изящной утонченности является обыкновенно съ упадкомъ поэзіи (у латинянъ)" (Зап. См., 149. Срани Соч. П., т. V, стр. 248).

„У Аріосто такъ много ироніи, что это дѣлаетъ его нравственнымъ. Иронія—вещь здоровая; это не просто издѣвательство, зубоскальство, которое разрушаетъ всякую нравственную идею. Боккачіо — сатирикъ, онъ насмѣхается, но ни въ одномъ изъ романовъ не проповѣдуетъ порока. Я нахожу Руссо, а также Вольтера гораздо безнравственнѣе Боккачіо. У Боккачіо больше вліянія почвенной литературы, эпической легенды, любовной и даже народной, чѣмъ греческаго и латинскаго язычества" (Зап. См. 151).

изма и что его положенія представляютъ извѣстную вѣроятность, но что они не утѣшительны. Защищаясь впослѣдствіи отъ обвиненій за это письмо, П. говорилъ: „Я очень хорошо сдѣлалъ, что бралъ эти уроки: я увидѣлъ, какія вѣроятія представляетъ атеизмъ, взвѣсилъ ихъ, продумалъ и пришелъ къ результату, что сумма этихъ вѣроятностей сводится къ нулю, а нуль только тогда имѣетъ реальное значеніе, когда передъ нимъ стоитъ цифра. Этой то цифры и недоставало моему профессору атеизма, который давалъ мнѣ читать Гоббса". Въ Гоббсѣ Пушкинъ не нашелъ ни разрѣшенія мучившаго его умъ вопроса, ни нравственнаго удовлетворенія.

Послѣ чтенія и изученія многихъ философскихъ и религіозныхъ книгъ Пушкинъ вынесъ твердое убѣжденіе и въ существованіи Бога и въ необходимости для человѣка религіи. Онъ говорилъ: „Въ концѣ концовъ я пришелъ къ тому убѣжденію, что человѣкъ нашелъ Бога именно потому, что Онъ существуетъ. Нельзя найти то, чего нѣтъ, даже въ пластическихъ формахъ. Это внушило мнѣ искусство. Выдумать форму (фантастическую) нельзя, ее надо взять изъ того, что существуетъ. Нельзя выдумать мыслей, чувствъ и идей, которыя не прирождены намъ вмѣстѣ съ тѣмъ таинственнымъ инстинктомъ, который и отличаетъ существо мыслящее и чувствующее отъ существъ только ощущающихъ. И эта дѣйствительность столь же реальна, какъ все, что мы можемъ трогать, видѣть и испытывать. Въ народѣ есть врожденный инстинктъ этой дѣйствительности, т. е. религіозное чувство, которое онъ и не анализируетъ". Въ другой разъ, когда Пушкина спросили, какъ онъ искалъ Бога и нашелъ, онъ отвѣчалъ: „Я нашелъ его въ моей совѣсти. Кромѣ моей совѣсти и природы, которая говорила мнѣ о Немъ, я искалъ Его въ книгѣ, въ которой нашелъ Пророка, во имя котораго, кажется, можно бы и отпустить мои грѣхи. Но мои добрые друзья и знаменитые критики, забывая о томъ, что я сдѣлалъ хорошаго, помнятъ только о глупостяхъ риѳмоплетствовавшаго мальчишки".

Книга о которой сказалъ Пушкинъ, — это Библія. О ней говорилъ онъ впослѣдствіи: „Я читалъ Библію отъ доски до доски въ Михайловскомъ [1]), но и ранѣе я много читалъ Евангеліе. Такъ всегда бываетъ съ Св. Писаніемъ: сколько его ни перечитывай; чѣмъ болѣе имъ проникаешься, тѣмъ болѣе все освѣщается и расширяется". Объ обаяніи, которое производило на Пушкина Евангеліе, онъ писалъ: „Такова (этой книги) вѣчно новая прелесть, что если мы, пресыщенные міромъ, или удрученные уныніемъ, случайно откроемъ ее, то уже не въ силахъ противиться ея сладостному увлеченію и погружаемся духомъ въ ея божественное краснорѣчіе".

Разсужденія его объ Евангеліи показываютъ, что онъ очень внимательно читалъ его, много размышлялъ надъ нимъ и ясно понималъ духъ его. На мнѣнія лицъ, которые называли христіанство демократическимъ ученіемъ, такъ какъ апостолы были простолюдины, Пушкинъ возражалъ: „Христосъ пришелъ для царей, для мудрецовъ, для простыхъ людей, для всего рода человѣческаго. Когда я читаю Евангеліе, меня всегда поражаютъ нѣкоторые знаменательные факты, относящіеся къ тѣмъ, кто исповѣдалъ Христа, и къ апостоламъ. На этомъ повѣствованіи лежитъ печать такой великой правдивости. Писавшіе Евангеліе не скрыли слабостей апостоловъ, даже

---

[1]) Пушкинъ предпочиталъ знакомиться съ св. исторіей по Библіи, а не по учебнымъ руководствамъ, и при томъ на церковно-славянскомъ языкѣ. Онъ говорилъ: „Священныя исторіи нелѣпы, отъ нихъ отнята вся поэзія текста, это какая то искусственная наивность. Поэзія Библіи особенно доступна для чистаго воображенія; передавать этотъ удивительный текстъ пошлымъ современнымъ языкомъ—это кощунство даже относительно эстетики, вкуса и здраваго смысла. Мои дѣти будутъ читать вмѣстѣ со мной Библію въ подлинникѣ..., по-славянски, я самъ ихъ обучу этому языку. Сказки моей бабушки и Арины были скорѣе славянскія, чѣмъ русскія; нашъ народъ понимаетъ лучше славянскій, чѣмъ русскій литературный языкъ" (Зап. См., стр. 163).

ихъ сомнѣній въ началѣ ихъ дѣйствій; это то и придаетъ разсказу громадное нравственное значеніе, такъ какъ восхваленіе апостоловъ доказало бы мнѣ только, что разсказъ вымышленный. Эти повѣствованія дышатъ величавой искренностью; а такъ какъ истина не нуждается въ защитѣ, то евангелисты отъ нея и не уклонились". Правдивостью и искренностью разсказа Пушкинъ особенно поражался въ повѣствованіи о Благовѣщеніи. „Здѣсь, говорилъ онъ, величаніе Пресвятой Дѣвы (ея слова: Величитъ душа моя Господа и возрадовася духъ мой о Бозѣ, Спасѣ моемъ, яко призрѣ на смиреніе рабы Твоея; се бо отнынѣ ублажатъ мя вси ро́ди...)—самая возвышенная рѣчь, которая когда либо вылилась изъ души человѣческой".

Сжато и ясно изложивши призваніе апостоловъ и исповѣданіе Христа лицами разныхъ званій, положеній и образованія, Пушкинъ заключилъ свою рѣчь словами: „Эти факты доказываютъ, что галилейскіе рыбаки и люди ученые, какъ волхвы, Савлъ Тарсянинъ, одинъ изъ аристократовъ синагоги, Іоаннъ, сынъ священника Захаріи, и евангелистъ Іоаннъ, ученость котораго не можетъ подлежать сомнѣнію, въ равной мѣрѣ могутъ быть призваны, избраны безъ всякаго вниманія къ ихъ общественному положенію. Но это мнѣ не доказываетъ, чтобы необходимымъ условіемъ было—быть простолюдиномъ, ремесленникомъ и чтобы вдохновенность или святость составляли исключительный удѣлъ одного класса, въ ущербъ всѣмъ остальнымъ. Іисусъ работалъ, какъ и Іосифъ (который изъ рода Давидова), всю свою жизнь съ цѣлію поднять человѣчество; его стругъ облагородилъ трудъ и бѣдность, но и только. Итакъ, не слѣдуетъ злоупотреблять Христомъ на пользу богатыхъ или бѣдныхъ. Надо видѣть въ Немъ Спасителя всѣхъ человѣковъ; ибо, чтобы спасти ихъ, надо было ихъ всѣхъ любить. Безъ этого Онъ не былъ бы искупителемъ, Богочеловѣкомъ". О мудрствующихъ неправо о Христѣ, Пушкинъ говорилъ послѣ: „Не лѣпо повторять, что І. Хр. демократъ; они кончатъ тѣмъ,

что перерядятъ его въ революціонера, въ демагога, въ разрушителя. Люди корчатъ изъ себя одновременно либераловъ и христіанъ; они недостаточно читаютъ Евангеліе; они не нашли бы тамъ, чтобы Іисусъ спрашивалъ прежде чѣмъ исцѣлить и помочь: богатъ ты, или бѣденъ, аристократъ или демократъ".

Кромѣ Св. писанія, Пушкинъ читалъ много книгъ церковныхъ и вообще религіознаго содержанія. Въ письмахъ его есть указанія на то, что онъ очень цѣнилъ житія святыхъ, какъ образцы высокой поэзіи. Такъ, въ 1831 г. онъ писалъ Плетневу: „Присовѣтуй Жуковскому читать Четьи-минеи, особенно легенды о Кіевскихъ чудотворцахъ: прелесть простоты и вымысла".—Въ связи съ церковной литературой Пушкинъ цѣнилъ и народно-религіозные разсказы. Въ 1836 г. онъ писалъ Языкову: „Пришли мнѣ, ради Бога, стихъ объ Алексѣѣ Божьемъ человѣкѣ и еще какую нибудь легенду: нужно!" Въ черновыхъ бумагахъ его есть много выписокъ изъ Четьихъ-миней и Пролога.

При такомъ внимательномъ отношеніи Пушкина къ Св. Писанію, церковной литературѣ и религіознымъ сюжетамъ, казалось бы, что онъ удѣлитъ довольно времени и силъ на поэтическую обработку религіозныхъ темъ. Но этого не было, у Пушкина есть только нѣсколько стихотвореній религіознаго содержанія, почти исключительно относящихся къ послѣднему періоду жизни; это— «Пророкъ» 1826, «Ангелъ» 1827, «Монастырь на Казбекѣ» 1829, «Мадонна» 1830, «Юдиѳь» 1832, «Странникъ» 1834, «Когда великое свершалось торжество», «Подражаніе итальянскому» и «Молитва» 1836 г. Кромѣ того сюда же относится и неоконченная поэма «Галубъ» (1829—1833 г.), сюжетъ которой взятъ изъ жизни кавказскихъ горцевъ—магометанъ, когда къ нимъ стала проникать евангельская проповѣдь. Изъ этихъ стихотвореній только два представляютъ переложеніе изъ Библіи и одно — переложеніе великопостной молитвы Ефрема Сирина: «Господи Владыко живота моего». Изъ нихъ только

одно стихотвореніе «Пророкъ», взятое изъ книги пр. Исаіи, вполнѣ удовлетворило Пушкина. Стихотвореніемъ же «Молитва», несмотря на то, что оно написано великолѣпными стихами, которыми восхищались друзья, а особенно Жуковскій, Пушкинъ былъ не доволенъ. И онъ, какъ взыскательный художникъ, былъ правъ. Въ этомъ переложеніи геніально только вступленіе, живо изображающее обстановку, въ которой слагались божественныя молитвы. Въ самомъ же переложеніи «Молитвы» нѣтъ той сжатости и силы языка, строгой симметріи и замкнутости каждой изъ трехъ отдѣльныхъ частей, нѣтъ тѣхъ божественно-художественныхъ свойствъ, присущихъ подлиннику. И потому, не смотря на превосходные стихи, переложеніе производитъ менѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ «Молитва» церковнаго учителя-пѣснопѣвца. Въ переложеніи меньше той необычайной красоты, соединенной съ простотою, которая одинаково понятна и доступна и человѣку съ высокимъ образованіемъ и простецу.

Итакъ, Пушкинъ несмотря на высокое мнѣніе о поэтическихъ достоинствахъ Св. писанія и благоговѣйное отношеніе къ нему, несмотря на свое преклоненіе предъ церковными молитвами, можно сказать, почти не пользовался ими для стихотворныхъ переложеній, какъ пользовались этимъ предшествовавшіе ему наши писатели XVIII и XIX вѣка.

Наша критика пыталась найти причину этого. Она предполагала, что этому мѣшало или отсутствіе подходящаго настроенія, или Св. писаніе и молитвы производили на Пушкина черезчуръ сильное впечатлѣніе, лишавшее спокойствія, которое необходимо для творчества. Но то и другое предположеніе трудно подтвердить фактами. Изъ бесѣдъ Пушкина о предметахъ религіи видно, что религіозное настроеніе часто посѣщало его, видно также, что о самыхъ высокихъ предметахъ христіанскаго вѣроученія онъ разсуждалъ совершенно спокойно, по замѣчанію одного высокообразованнаго и ученаго иностранца (Баранта), съ чувствомъ мѣры.

Причина этого скорѣе всего кроется въ характерѣ Пушкина, въ его вѣрномъ взглядѣ на свои силы и призваніе; и потому онъ выбиралъ себѣ работы по своимъ силамъ и способностямъ, останавливалъ свое вниманіе на области житейскаго словеснаго искусства. Благоговѣя предъ Св. писаніемъ, какъ написаннымъ людьми благочестивыми, богодухновенными, онъ не рѣшался состязаться съ ними въ ихъ божественномъ краснорѣчіи. Когда Пушкину предложили написать поэму на Рождество и волхвовъ, онъ, покачавши головой, сказалъ: „Евангеліе отъ Луки, которое читается 25 марта, лучшая изъ поэмъ; никогда мнѣ не написать ничего, чтобы хоть сколько нибудь къ этому приближалось“. Когда же зашелъ разговоръ о томъ, что читать народу, Пушкинъ говорилъ: „Я думаю, что мы никогда не дадимъ ему ничего лучше Писанія. Я убѣжденъ, что народъ болѣе всего склоненъ къ религіи. Народъ предпочитаетъ религіозныя книги, не разсуждая о ихъ нравственномъ значеніи; онѣ просто нравятся народу. И его вкусъ становится понятнымъ, когда начинаешь читать Писаніе, потому что въ немъ находишь всю человѣческую жизнь. Религія создала искусство и литературу; все, что было великаго съ самой глубокой древности, все находится въ зависимости отъ этого религіознаго чувства, присущаго человѣку такъ же, какъ и идея красоты вмѣстѣ съ идеей добра, которую мы находимъ даже въ народныхъ сказкахъ, гдѣ злодѣи всегда такъ отвратительны“.

Послѣ чтенія множества книгъ и долгихъ размышленій о прочитанномъ, Пушкинъ составилъ себѣ ясный и опредѣленный взглядъ на то, какою должна быть истинно хорошая свѣтская, житейская литература. Выражая въ художественныхъ формахъ дѣйствительную жизнь, жизнь человѣческой души со всѣми ея мыслями и чувствами, она можетъ и должна быть понятна не только намъ русскимъ, но и другимъ образованнымъ народамъ. Въ своихъ произведеніяхъ, особенно послѣдняго періода жизни, Пушкинъ видѣлъ именно такія свойства истинной

литературы, видѣлъ въ нихъ свойства всеобщности, всемірнаго ихъ значенія. Но вмѣстѣ съ этимъ Пушкинъ сознавалъ, что при крайне слабой степени умственнаго развитія современнаго ему русскаго простонародья, многое въ его художественныхъ произведеніяхъ будетъ непонятно для этого простонародья. Изъ произведеній литературы образованнаго общества Пушкинъ признавалъ особенно полезными для народа тѣ, которыя даютъ идеалы. „То, что называется буржуазнымъ романомъ или театромъ", говорилъ онъ, „не будетъ особенно полезнымъ для народа, потому что хотя въ произведеніяхъ этого рода и проявляется иногда идеализмъ, но все таки въ нихъ ужасно много матеріализма. А между тѣмъ лучше давать народу идеалы, чѣмъ житейскую пошлость". Пушкинъ очень желалъ, чтобы его любимое произведеніе «Борисъ Годуновъ» сдѣлался понятнымъ для народа и разыгрывался имъ, какъ разыгрываются въ Англіи на фермахъ нѣкоторыя пьесы Шекспира. Онъ говорилъ: „Если когда нибудь крестьяне поймутъ моего Бориса Годунова, это будетъ слава. Я буду знать, что сдѣлалъ нѣчто хорошее, настоящее, понятное для всѣхъ" [1]). Но эти чаянія Пушкинъ возлагалъ на болѣе свѣтлое будущее, особенно для тогдашнихъ крѣпостныхъ крестьянъ, большею частію неграмотныхъ. Въ свое время онъ пытался только узнать, что́ простой человѣкъ можетъ понять въ этой трагедіи и что́ ему можетъ понравиться. Съ этою цѣлію онъ читалъ Бориса своей нянькѣ. „Она", говорилъ Пушкинъ, „особенно оцѣнила драматическія сцены, а на счетъ народныхъ высказала весьма цѣнныя соображенія. Она съ ироніей сказала мнѣ: это настоящій народъ, всегда готовый плакать и кричать, выть или бить, какъ только ему скажутъ: стони или бей! Стоитъ только, чтобы одинъ заоралъ".

---

[1]) О желаніи быть понятнымъ для всѣхъ, Пушкинъ писалъ еще въ 1815 г.: „Я хочу, меня чтобъ поняли
Всѣ отъ мала до великаго" (Соч., т. I, 62).

Среди житейскихъ тревогъ и невзгодъ Пушкинъ часто не находилъ спокойствія, необходимаго для свободнаго поэтическаго творчества. Если онъ въ это время писалъ, писалъ больше, чѣмъ въ первый періодъ [1]), онъ часто былъ недоволенъ написаннымъ. По прочтеніи новыхъ своихъ стихотвореній друзьямъ, которые находили ихъ великолѣпными, превосходными, онъ пожималъ плечами и говорилъ: „По моему, это слабо, блѣдно, не полно; у себя въ головѣ все это я вижу въ иномъ видѣ, и мнѣ не удается выразить, какъ бы я хотѣлъ". Нѣсколько разъ и въ разное время Пушкинъ говорилъ: „Я иногда вижу во снѣ дивные стихи, во снѣ они прекрасны, но какъ уловить, что пишешь во время сна? Разъ я ночью продекламировалъ стихи, которые только что видѣлъ во снѣ; я не записалъ ихъ, и они улетучились". Однажды Пушкинъ сказалъ: „Два хорошихъ стихотворенія, какія я написалъ, я написалъ во снѣ; только я ихъ могъ припомнить поутру". Разсказывая объ этомъ въ другой разъ, Пушкинъ указалъ и на одно изъ этихъ стихотвореній: „Когда я", говорилъ онъ, „пріѣхалъ въ монастырь Святыя горы, чтобы отслужить панихиду по Петрѣ Великомъ [2]), тамъ прочелъ отрывокъ изъ Библіи, который перефразировалъ въ Пророкѣ. Отрывокъ меня внезапно поразилъ, преслѣдовалъ нѣсколько дней, и разъ ночью я написалъ свое стихотвореніе; я всталъ, чтобы написать его. Мнѣ кажется, что стихи эти я видѣлъ во снѣ. Это было незадолго до того, какъ Его Величество вызвалъ меня въ Москву. Я думаю, что Петръ Великій вдохновилъ его тогда; мнѣ кажется, что мертвые могутъ внушать мысли живымъ".

---

[1]) Хоть онъ и жаловался, что „Нѣтъ у меня досуга, вольной холостой жизни, необходимой для писателя. Кружусь въ свѣтѣ, жена моя въ большой модѣ; все это требуетъ денегъ, деньги достаются мнѣ черезъ труды, а труды требуютъ уединенія" (Письмо Нащокину 1833 г.).

[2]) Пушкинъ служилъ также панихиду и по Байронѣ.

Характеризуя истинныхъ поэтовъ, Пушкинъ писалъ въ 1825 г., что поэзія бываетъ исключительною страстію ихъ, которая объемлетъ и поглощаетъ всѣ наблюденія, всѣ усилія, всѣ впечатлѣнія ихъ жизни. Во второй періодъ своей жизни Пушкинъ болѣе, чѣмъ прежде, находился во власти этой благородной страсти.

Несмотря на множество выполненныхъ въ это время литературныхъ работъ, онъ замышлялъ и многія другія. По словамъ кн. П. А. Вяземскаго, у Пушкина въ головѣ пятьдесятъ проектовъ. Извѣстно, по свидѣтельству современниковъ (Зап. Смирновой, Воспомин. Шевырева), что онъ предполагалъ написать русскую Дунсіаду [1]), Похищенную русскую бороду [2]), очерки о гугенотахъ, исторію великихъ государей, драмы о царевнѣ Софьѣ, царѣ Иванѣ IV, Лжедимитріи, Василіи Шуйскомъ, Ромулѣ и Ремѣ, исторію русскаго народа, исторію Петра Великаго и Александра I-го, переложеніе на русскій языкъ житій святыхъ и переводъ Пана Тадеуша, котораго Пушкинъ считалъ лучшимъ произведеніемъ Мицкевича [3]). Хотѣлось ему также написать поэмы о Константинополѣ, Іерусалимѣ и Римѣ [4]). Но всѣ эти замыслы остались только въ головѣ поэта. Къ выполненію другихъ проектовъ онъ приступалъ, набрасывалъ планы и даже написалъ по нѣскольку страницъ. Такъ, напр., по нѣсколькимъ набросаннымъ планамъ онъ началъ романъ изъ обществен-

---

[1]) Dunciade — сатирическая поэма Поппа, направленная противъ плохихъ поэтовъ его времени.

[2]) Въ родѣ «Похищеннаго локона» Поппа.

[3]) Пушкинъ говорилъ: „Мнѣ хочется перевести на старости лѣтъ, когда ужъ мнѣ болѣе нечего будетъ сказать своего“.

[4]) „Я желалъ бы видѣть Константинополь, Римъ и Іерусалимъ. Какую можно было бы написать поэму объ этихъ трехъ городахъ, но надо ихъ увидѣть, чтобы о нихъ говорить. Увидѣть Босфоръ, св. Софію, посидѣть въ Оливковомъ саду, увидѣть Мертвое море, Іорданъ. Увидѣть Римъ, Ватиканъ, Соборъ св. Петра, Колизей; увидѣть этотъ міръ въ развалинахъ. Увы! я никогда этого не увижу!

ной петербургской жизни, озаглавивъ его: «Русскій Пеламъ» (Pelham Эдуарда Бульвера, послѣ лорда Литтона, вышедшій въ 1825 г.).

Пушкинъ умеръ въ полномъ разцвѣтѣ и зрѣлости своего поэтическаго генія. Онъ умеръ въ то время, когда готовился къ созданію новыхъ образцовъ поэтическаго творчества, такихъ образцовъ, которые вполнѣ отвѣчали бы высказаннымъ имъ высокимъ требованіямъ отъ художника, воспитателя человѣчества. Предчувствіе того, что онъ умретъ въ молодости, предчувствіе, которое преслѣдовало его съ 20-лѣтняго возраста, особенно усилилось въ послѣдніе годы жизни. Оно усилилось подъ бременемъ непріятностей и обидъ, которыя онъ испытывалъ и отъ своихъ домашнихъ [1]) и отъ чужихъ людей. Своимъ

---

[1]) А. О. Смирнова, описывая непріятности, которыя П. долженъ былъ переносить отъ своихъ родныхъ и особенно родныхъ жены, которые „мало способны были цѣнить Пушкина“, заключаетъ: „Вообще Пушкина постоянно критикуютъ и даже не стѣсняются въ присутствіи Натали“ (Зап. Смирн., стр. 311—312, 339—340). Та же Смирнова внесла въ свои дневники слѣдующія замѣтки о женѣ Пушкина: „Пушкинъ такъ добръ. Онъ всегда благодаритъ меня, когда я займу и позабавлю его жену. Ужасно жаль, что она такъ необразована; изъ всѣхъ его стихотвореній она цѣнитъ только тѣ, которыя посвящены ей“ (стр. 183). О. Н. Смирнова со словъ отца добавила къ запискамъ своей матери: „Какъ то вечеромъ осенью Пушкинъ, прислушиваясь къ завыванію вѣтра, вздохнулъ и сказалъ: Какъ хорошо бы быть теперь въ Михайловскомъ. Нигдѣ мнѣ такъ хорошо не пишется, какъ осенью въ деревнѣ. Когда Н. Смирновъ началъ звать Пушкина ѣхать туда, Пушкина, услышавъ разговоръ, воскликнула: Восхитительное мѣстопребываніе, слушать завываніе вѣтра, бой часовъ и вытье волковъ. Ты съ ума сошелъ! И она залилась слезами къ крайнему изумленію моихъ родителей. Разъ, когда Пушкинъ читалъ моей матери стихотвореніе, жена Пушкина воскликнула: Господи! до чего ты мнѣ надоѣлъ со своими стихами, Пушкинъ! Онъ сдѣлалъ видъ, что не понялъ и отвѣчалъ: Извини, этихъ ты

друзьямъ онъ постоянно твердилъ объ этомъ, задумывался и надъ 37-лѣтнимъ возрастомъ, какъ бы роковымъ для геніевъ, въ который застигла смерть Рафаэля, Моцарта и Байрона. Единственнымъ утѣшеніемъ его была глубокая вѣра въ Провидѣніе; въ ней онъ искалъ облегченія отъ удручавшихъ его душу обстоятельствъ, встрѣчъ и отношеній.

А. О. Смирновой Пушкинъ, незадолго до смерти, говорилъ: „Возвратясь домой, я раскрылъ Евангеліе и напалъ на текстъ: возьмите иго мое, ибо оно благо и бремя мое легко есть. Прочитавши этотъ текстъ, я подумалъ: богатые и бѣдные, счастливые и несчастные во всемъ, аристократы и демократы, великіе и малые, всѣ мы несемъ бремя жизни, иго нашей человѣчности, столь слабой, столь подверженной заблужденію; и это иго, это бремя уравниваетъ все. Онъ велитъ намъ взять иго, которое благо, бремя, которое легко, — это Его иго, Его бремя, которое поможетъ намъ нести наше собственное до конца, если мы будемъ помогать ближнему поднять и нести его, подъ которымъ онъ изнемогаетъ. Вотъ весь законъ въ нѣсколькихъ словахъ, и здѣсь нѣтъ мѣста ни для аристократа, ни для демагога. Здѣсь только одна единственная великая сила — любовь“.

еще не знаешь; я не читалъ ихъ при тебѣ. Ея отвѣтъ былъ характеренъ: Эти ли, другіе ли — все равно. Ты вообще надоѣлъ мнѣ своими стихами. Въ Царскосельскомъ китайскомъ театрѣ затѣвался спектакль, и мать моя сообщила Пушкиной, что она получитъ приглашеніе. Это привело ее въ лучшее настроеніе, и она сказала моей матери: Пожалуйста, продолжайте чтеніе. Я вижу, что ему этого очень хочется. А я пойду, посмотрю мои платья. Вы зайдете ко мнѣ потомъ, чтобы сказать, что мнѣ лучше надѣть для спектакля“ (Зап. См., 181). „Natalie, гов. А. О. Смирнова, такъ наивна, что восхищалась драмой Дюма, которую читала, говоря, что это интересно, гораздо лучше Сида Корнеля, котораго П. ей прочиталъ“ (Зап. См., 183). Въ виду неразборчивости вкуса жены въ книгахъ, П. писалъ ей въ 1834 г.: „въ деревнѣ не читай скверныхъ книгъ дѣдиной библіотеки, не марай себѣ воображенія“ (Соч. П., т. VII, 343).

По свидѣтельству Плетнева, любимый разговоръ П., за нѣсколько недѣль и потомъ дней до смерти, все обращенъ былъ на слова: „Слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ". У Пушкина было тогда какое то высоко-религіозное настроеніе; онъ говорилъ о судьбахъ Промысла, выше всего ставилъ въ человѣкѣ качество благоволенія ко всѣмъ (Переп. Я. К. Грота, т. I, 495 и т. II, 731).

Размышленія Пушкина надъ Евангеліемъ находились въ тѣсной связи съ обстоятельствами его тревожной жизни [1]) и кипучей литературной дѣятельности, въ которой онъ хотѣлъ выразить волновавшія его думы и чувства. Въ послѣдніе два, три года передъ смертію Пушкинъ чувствительнѣе былъ къ окружавшему его равнодушію общества и недоброжелательству. Эти отрицательныя черты русскаго характера [2]), мѣшавшія и мѣшающія нашему правильному развитію, нашему преуспѣянію въ общественной и частной жизни, Пушкинъ пытался изобразить въ своихъ произведеніяхъ. Въ «Египетскихъ ночахъ», въ разсказѣ «Импровизаторъ» онъ указалъ на страданіе талантливаго человѣка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на свое, отъ нашего сѣвернаго равнодушія къ людямъ, стоящимъ вы-

---

[1]) Часто испытывая страданія и говоря, что „страданіе есть смертнаго удѣлъ", что оно „Божіе предопредѣленіе". П. не впадалъ въ отчаяніе и постоянно заявлялъ о своей любви къ жизни, о желаніи жить, быть счастливымъ. Онъ писалъ Нащокину въ 1834 г.: „Говорятъ, что несчастіе хорошая школа. Но счастіе есть лучшій университетъ. Оно довершаетъ воспитаніе души, способной къ доброму и прекрасному, какова твоя, мой другъ, какова и моя, какъ тебѣ извѣстно" (Соч., т. VII, 339).

[2]) Къ нимъ онъ относилъ и третью, это—нашу лѣнь. Въ «Путешествіи въ Арзрумъ», П., говоря о Грибоѣдовѣ, писалъ: „Мы лѣнивы и нелюбопытны". „Лѣнь барская, помѣщичья лѣнь, такъ одолѣла меня, что не приведи, Боже" (Соч., т. VII, стр. 332); или: пуще всего человѣческая природа лѣнива (русская природа въ особенности) (Соч., т. VII, стр. 410), и т. п.

ше другихъ по своимъ способностямъ и дарованіямъ. Еще прежде въ одной начатой повѣсти («Гости съѣзжались») Пушкинъ писалъ: „Недоброжелательство — это черта нашихъ нравовъ: въ народѣ она выражается насмѣшливостью, въ высшемъ кругу невниманіемъ и холодностію“.

Равнодушіе и недоброжелательство, отъ которыхъ Пушкинъ такъ много страдалъ въ жизни, не прекратились для него и тогда, когда онъ сошелъ въ могилу. Слишкомъ шестьдесятъ лѣтъ прошло со дня смерти Пушкина, и мы не можемъ похвалиться тѣмъ, чтобы всегда достойно чтили его, съ особеннымъ вниманіемъ относились къ памяти его и не продолжали сыпать на него разныя обвиненія. До сихъ поръ нѣтъ у насъ ни полной біографіи Пушкина, ни полнаго собранія его сочиненій, такихъ изданій, которыя бы вполнѣ отвѣчали величію предмета. Правда, наша литература о Пушкинѣ считается очень обширною; въ указателяхъ сочиненій о немъ значится около пяти тысячъ номеровъ. Но во всей этой обширной литературѣ очень мало крупныхъ и цѣнныхъ сочиненій, такихъ не наберется и двухъ десятковъ. Не много также наберется и вдохновенныхъ рѣчей и статей, которыми торжественно чтилась память его въ 1880 и 1887 годахъ. Въ остальномъ же, писанномъ о Пушкинѣ послѣ смерти его, неразъ проглядываетъ прямо несправедливое отношеніе къ нему, превратное толкованіе его литературной дѣятельности, какъ бы съ цѣлію принизить его предъ другими поэтами, умалить его значеніе въ литературѣ; даже личность его представлялась въ непривлекательномъ видѣ. Въ нашей литературѣ высказывалось напримѣръ, что онъ былъ только хорошій версификаторъ, что онъ умеръ своевременно, кстати, иначе не сталъ бы въ уровень съ современными движеніями и пережилъ бы самого себя, или же — что уже не написалъ бы ничего лучшаго. Потомъ не разъ высказывалось порицаніе ему за сочиненія легкаго содержанія, за сочиненія, въ которыхъ сказались религіозныя колебанія и сомнѣнія поэта. Наконецъ и самая кончина его представлялась въ извращен-

номъ видѣ, говорилось, что онъ убитъ не пулей Геккерна, а своимъ выстрѣломъ въ Геккерна. Такимъ образомъ сбылось предчувствіе нашего поэта, который съ недовѣріемъ и опасеніемъ помышлялъ о будущихъ своихъ біографахъ и критикахъ. „Первые", говорилъ онъ, „будутъ оказывать мнѣ медвѣжьи услуги, а вторые утопятъ меня въ морѣ отравленныхъ чернилъ" [1]).

Большой почитатель Пушкина, бывшій профессоръ Московскаго Университета, Рачинскій, промѣнявшій университетскую каѳедру на скромное званіе народнаго учителя, жалуется, что „образованное общество, которому Пушкинъ ввѣрилъ, умирая, созданный имъ нерукотворный памятникъ, повергнуло его въ прахъ; кучами грязи къ нему засыпана народная тропа" [2]). Изъ своей педагогической практики этотъ учитель вынесъ убѣжденіе, что вся наша послѣ-пушкинская литература за немногими исключеніями для народа неудобоварима: языкъ ея обременяется иностранными словами, періодическая рѣчь часто лишена симметріи, а содержаніе часто не имѣетъ ни общечеловѣческаго, ни общественнаго значенія. Чтобы вполнѣ понять, говоритъ онъ, Бельтова и Базарова, Обломова и Рудина, Левина и Раскольникова, необходимо народу пережить то, что пережило породившее ихъ общество. А между тѣмъ, языкъ Пушкина, этотъ волшебный языкъ— единственный мостъ, соединяющій народную рѣчь съ рѣчью нашей литературы. Его творчество — это всемогущій талисманъ, сразу раздвигающій вокругъ всякаго грамотнаго тѣсные предѣлы времени и пространства, въ которыхъ до тѣхъ поръ вращалась его мысль" [3]). По свидѣ-

---

[1]) Вскорѣ послѣ смерти П. кн. Ек. Мещерская, возмущенная кривотолками о немъ, писала: „Наше общество бросаетъ грязью во все, что составляетъ нашу славу, и восхищается комкомъ грязи, въ концѣ концовъ его обрызгавшимъ" (Зап. См., т. II, стр. 88).

[2]) Сельская школа. Сбор. стат. изд. быв. проф. унив.

[3]) Подтвержденіемъ вѣрности взгляда Рачинскаго можетъ

тельству этого учителя, всякій хорошій ученикъ дѣльной сельской школы на 15 году съ наслажденіемъ прочитаетъ «Капитанскую дочку», «Дубровскаго», «Бориса Годунова», «Русалку» и «Полтаву». Такое свидѣтельство для насъ драгоцѣнно и возбуждаетъ въ сердцахъ великую радость. Прекрасная заря просвѣщенной свободы русскаго народа, о которой только мечталъ нашъ великій поэтъ, начинаетъ заниматься, всходить послѣ уничтоженія рабства, падшаго по манію Царя-Освободителя. Она подаетъ намъ сладостную надежду, что скоро взойдетъ и самое солнце, при свѣтѣ котораго великія достоинства произведеній Пушкина видны будутъ многимъ милліонамъ русскихъ грамотныхъ людей, будутъ понятны и послужатъ имъ на благое просвѣщеніе, на устроеніе своей жизни по законамъ красоты, истины и добра.

Горечью обливается сердце при мысли, что Пушкинъ умеръ преждевременно, что рано свело его въ могилу людское недоброжелательство. Но мы не должны предаваться унынію, а обязаны благодарить Провидѣніе за то, что, по его великой милости, Пушкинъ „велѣнью Божію послушный“, оставилъ намъ въ наслѣдство. А наслѣдство это огромное. Въ произведеніяхъ Пушкина немного такихъ, которыя писаны въ часы забавъ иль праздной скуки и въ которыхъ слышатся изнѣженные звуки безумства, лѣни и страстей. Громадное же большинство — это такія произведенія, которыя подсказаны божествомъ, какъ говорилъ самъ Пушкинъ, или же созданы тогда, когда божественный глаголъ касался слуха его, какъ писалъ онъ въ своемъ стихотвореніи «Поэтъ».

И въ лирикѣ и въ драмѣ и въ эпосѣ Пушкинъ далъ намъ многіе совершеннѣйшіе образцы вполнѣ худо-

---

служитъ сообщеніе Мордвина о томъ, какъ простой грамотный человѣкъ понимаетъ Пушкина и послѣдующихъ нашихъ писателей (Нов. Вр. № 8377, стр. 3).

жественной поэзіи, которая своими гармоническими аккордами съ отрадою вливается въ нашу душу и возбуждаетъ въ ней возвышенныя мысли и добрыя чувства. Творенія его не только облагородили насъ, возвысили насъ въ собственныхъ глазахъ, но и доставили намъ почетную извѣстность во мнѣніи народовъ, ранѣе насъ выступившихъ на историческое поприще и успѣвшихъ достигнуть высокой степени образованія.

Со времепъ Пушкина ставши въ словесномъ искусствѣ на ряду со всѣми просвѣщенными народами міра, мы сказали имъ и свое особое слово. Слово это — правдивое, художественное, полное гармоніи изображеніе русской дѣйствительности, русской природы и жизни, русской души съ ея высокими, благородными стремленіями и чувствами. Особенности русской жизни и положительныя стороны русскаго характера, отмѣченныя и изображенныя въ произведеніяхъ Пушкина, составляютъ главную основу нашей національности. Благодаря этимъ особенностямъ, создалось наше государство, въ тысячелѣтней своей исторіи мужественно перенесло множество бѣдствій и невзгодъ и со времени Петра Великаго, этого яркаго выразителя русскаго національнаго генія, оно на равныхъ правахъ вошло въ семью великихъ народовъ міра.

Такихъ особенностей немного, но онѣ драгоцѣнны, потому что согласны съ законами и требованіями Высшей правды. Вѣрность долгу и отсутствіе тщеславія, побореніе страсти и свѣтлый взглядъ на міръ—вотъ тѣ особенности, которыя восхищали Пушкина и которыя онъ такъ ярко выразилъ въ своихъ созданіяхъ. Онѣ одинаково присущи всѣмъ русскимъ людямъ всѣхъ общественныхъ положеній и всякой степени образованія. Въ исполненіи долга и отсутствіи тщеславія одинаково прекрасны и императоръ Петръ Великій, и капитанъ Мироновъ, и дядька Гринева Савельичъ, и дворянка Татьяна и ея крѣпостная крестьянка нянька и капитанша Василиса Егоровна и многія другія лица, живьемъ выхваченныя Пушкинымъ изъ русской дѣйствительности, современной ему и пред-

шествовавшей. Въ счастіи и несчастіи всѣ они свѣтло и бодро смотрятъ на жизнь и никогда не предаются унынію или отчаянію. Жизнь для нихъ благо, данное Создателемъ; жизнію они дорожатъ, пока возможно, а если долгъ потребуетъ, жертвуютъ и радостями и счастіемъ и самою жизнію безъ жалобъ, безъ ропота, съ совершенною покорностію волѣ Провидѣнія [1]).

Въ своихъ лучшихъ произведеніяхъ П. совлекся ветхаго человѣка и облекся въ новаго, отрекся отъ демонической, сатанинской гордыни — этой первопричины первороднаго грѣха и воспріялъ въ себя любовь и благоволеніе къ людямъ. Однажды онъ говорилъ: „По Платону, кра-

---

[1]) Объ особенностяхъ русскаго народнаго характера Пушкинъ въ разное время говорилъ своимъ друзьямъ: „Съ точки зрѣнія чувства между массой и людьми цивилизованными нѣтъ той громадной разницы, которая существуетъ съ точки зрѣнія идей". „Война — это ужасная необходимость; но она даетъ поводъ къ высокимъ подвигамъ, подвигамъ храбрости, самоотверженія, патріотизма Въ эти страшные часы, въ этихъ подвигахъ проявляется чувство долга. Я былъ свидѣтелемъ этого, когда былъ въ Эрзерумѣ съ Паскевичемъ. Наши солдаты, наши молодые офицеры, перемѣна въ ихъ настроеніи до и послѣ дѣла производили на меня сильное впечатлѣніе. Конечно, я видѣлъ битвы только издали; но не могу сказать, до чего меня трогали лица солдатъ, идущихъ на бой и возвращающихся оттуда, а также погребеніе. Ни хвастовства, ни фразерства нѣтъ въ нашихъ войскахъ". „Пораженіе не есть униженіе, если весь долгъ исполненъ; такова судьба сраженій, чтобы были побѣжденный и побѣдитель, этому должно покоряться, какъ и прочимъ житейскимъ невзгодамъ. Патріотизмъ — чувство благородное, достойное, не слѣдуетъ умалять и унижать его съ помощью самаго жалкаго порока, какой только существуетъ, тщеславія. Слава Богу! порокъ этотъ не свойственъ ни русскому народу, ни русскому войску. Благородно перенести пораженіе, несчастіе — это дѣло, быть можетъ, болѣе достохвальное, чѣмъ побѣда, такъ какъ оно болѣе трудное. Петръ Великій служитъ этому примѣромъ. Побѣды Карла XII подъ Нарвою и Венденомъ нисколько не унизили Петра I, и онъ былъ дивно прекрасенъ во время побѣды подъ Полтавой".

сота есть блескъ истины, я прибавлю къ этому, что она должна быть блескомъ и добра. Платоники не съумѣли осуществить прекраснаго, которое и есть добро въ дѣйствіяхъ; они только мечтали объ осуществленіи его. Только христіанство осуществило этотъ союзъ". Сообразно съ такимъ взглядомъ на художника-христіанина, сообразно со взглядомъ, высказаннымъ въ статьѣ о Радищевѣ, что мысль священный даръ Божій и потому писатель не долженъ употреблять сего божественнаго орудія къ достиженію цѣли низкой или преступной, Пушкинъ въ лучшихъ своихъ произведеніяхъ является предъ нами поэтомъ, проникнутымъ истинно христіанскими взглядами, художникомъ, проводящимъ въ жизнь христіанскіе идеалы, пѣвцомъ, вѣщающимъ міру въ своихъ пѣсняхъ свѣтъ, радость и благоволеніе и производящимъ любовное единеніе людей; въ этихъ произведеніяхъ онъ отъ благого источника сердца своего источаетъ благость. По мѣткому выраженію нашего великаго мыслителя-художника Достоевскаго, Пушкинъ „первый указалъ въ русской душѣ, принявшей въ свою суть Христа и ученіе его, въ душѣ всечеловѣчной и всесоединяющей, задатки вмѣстить въ нее съ братской любовію всѣхъ нашихъ братьевъ, а въ концѣ концовъ, можетъ быть, изречь окончательное слово великой общей гармоніи, братскаго окончательнаго согласія всѣхъ племенъ по Христову евангельскому закону".

Какъ свои картины изъ природы и типическіе образы изъ жизни людей, такъ и разнообразныя человѣческія чувства — радости и горя, дружбы, милосердія, сострадания, кротости и любви, высокаго патріотизма безъ тщеславія и ненависти ко врагу Пушкинъ выражалъ рѣчью гармоническою, ясною, простою, удобопонятною для всѣхъ. Съ краснорѣчіемъ богодухновенныхъ писателей Священныхъ книгъ, церковныхъ поученій, пѣсней и молитвъ, предъ которыми Пушкинъ благоговѣлъ и преклонялся,

а по временамъ внималъ имъ „въ священномъ ужасѣ“, рѣчь его равнять мы не имѣемъ права. Но она все таки довольно близка къ этому божественному краснорѣчію. Въ важнѣйшихъ произведеніяхъ его она по сжатости и выразительности, по своей величавой простотѣ значительно приближается къ тѣмъ божественнымъ глаголамъ, какими Апостолъ всепрощенія и любви написалъ свое благовѣствованіе міру объ искупленіи людей, начавши свою книгу словами: „Въ началѣ было Слово, и Слово было у Бога, и Богъ было Слово“.

ПАМЯТИ
АЛЕКСАНДРА СЕРГѢЕВИЧА
ПУШКИНА.
† 1827 г. 29 января.

ИСТОРИЧЕСКІЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ВЗГЛЯДЫ ЕГО.

(Рѣчь произнесенная въ торжественномъ собраніи Императорскаго Варшавскаго Университета 1-го февраля 1887 года).

Имя А. С. Пушкина, какъ поэта, получило у насъ широкую извѣстность около семидесяти лѣтъ тому назадъ. Почти съ самаго начала появленія стиховъ его въ печати, онъ возбуждалъ восторгъ у читателей и стараго поколѣнія и молодаго, дорожившихъ успѣхами нашей словесности. Выраженія — наша радость, наша слава, честь русской словесности, великій народный поэтъ и т. п. потокомъ лились въ перепискѣ восторженныхъ поклонниковъ во все время его недолгой жизни. Въ 1826 г. княгиня З. Волконская писала Пушкину: „Великому русскому поэту подобаетъ писать или среди раздолья степей, или подъ сѣнію Кремля, творецъ «Бориса Годунова» принадлежитъ городу царей. Отъ какой матери родился человѣкъ, геній котораго весь сила, изящество, непринужденность, который, являясь то дикаремъ, то европейцемъ, то Шекспиромъ и Байрономъ, то Аріостомъ или

Анакреономъ, но всегда оставаясь русскимъ, умѣетъ переноситься отъ лиры къ драмѣ, отъ пѣсенъ то полныхъ любовной нѣги, то простодушныхъ, то подчасъ даже суровыхъ, то романтическихъ, то ѣдкихъ къ важному и безискусственному тону строгой исторіи".

Иногда отъ выраженія восторга современники переходили и къ попыткамъ критически отнестись къ произведеніямъ Пушкина, анализировать ихъ, опредѣлить, въ чемъ состоитъ прелесть его произведеній и какое значеніе онъ имѣетъ въ нашей литературѣ. Такъ въ 1834 г. Бѣлинскій писалъ: „Пушкинъ былъ совершеннымъ выраженіемъ своего времени. Онъ заплатилъ дань всѣмъ современнымъ событіямъ, явленіямъ и мыслямъ, всему, что только могла чувствовать Россія. Несправедливо говорятъ, будто онъ подражалъ Шенье, Байрону и др. Байронъ владѣлъ имъ, какъ образецъ, какъ властитель думъ вѣка... Да, Пушкинъ былъ выраженіемъ современнаго ему міра, представителемъ современнаго ему человѣчества, но міра русскаго, человѣчества русскаго. Какъ чародѣй, онъ въ одно и то же время исторгалъ у насъ и смѣхъ, и слезы, играя по всѣмъ нашимъ чувствамъ. Онъ пѣлъ, и какъ изумлена была Русь звуками его пѣсенъ,—и недиво: она еще никогда не слыхала подобныхъ; какъ жадно она прислушивалась къ нимъ,—и недиво: въ нихъ трепетали всѣ нервы ея жизни".

Въ этомъ отзывѣ, полномъ любви и восторга, Бѣлинскій указалъ и на художественность поэзіи Пушкина и на ея самостоятельность и народность. Но болѣе опредѣленные взгляды на нее, равно какъ и на литературную дѣятельность Пушкина, на ея значеніе въ исторіи русской литературы высказаны были уже послѣ смерти Пушкина.

Прежде всего считаемъ необходимымъ оговориться, что восторженное отношеніе нашей критики къ Пушкину нисколько не повредило вѣрности оцѣнки,—во взглядахъ нашей критики нѣтъ ни особенныхъ увлеченій, ни преувеличеній. Эти взгляды въ сущности такіе же, какіе высказаны были о немъ и иностранной критикой. Такъ

французскій писатель Мериме говорилъ И. С. Тургеневу: „Ваша поэзія ищетъ прежде всего правды, а красота потомъ является сама собою. У Пушкина поэзія самымъ чудеснымъ образомъ развивается сама собою изъ самой трезвой прозы“. Вскорѣ послѣ смерти Пушкина, именно въ 1838 г., знаменитый нѣмецкій критикъ Варнгагенъ фонъ Энзе называлъ Пушкина поэтомъ въ высшемъ смыслѣ этого слова, поэтомъ геніальнымъ, оригинальнымъ, самобытнымъ. Онъ ставилъ его выше Шенье и Байрона и считалъ равнымъ Гете. „Свѣтлая гармонія“, писалъ онъ, „бодрое мужество составляютъ основу его поэзіи. Его характеру вполнѣ равносильно и его выраженіе: вездѣ быстрая краткость, вездѣ свѣжій, совершенно самостоятельный, сосредоточенный образъ, яркая молнія духа, рѣзкій оборотъ. Мало поэтовъ, которые были бы такъ чужды, какъ Пушкинъ, всего изысканнаго, растянутаго... Его естественность, довольствующаяся самымъ простымъ словомъ, быстро схватывающая каждый предметъ, его могучее воображеніе, полное согрѣвающей теплоты и величія, его то кроткое, то горькое остроуміе — все соединяется для того, чтобы произвести самое гармоническое, самое благотворное впечатлѣніе въ духѣ безпрерывно занятаго и безпрерывно свободнаго, ни минуты не мучимаго читателя!“ Нѣмецкій же писатель Бертольдъ Ауэрбахъ въ 1880 году, во время открытія памятника Пушкину, писалъ Тургеневу: „Прекрасно и поучительно, что изъ Россіи входитъ въ настоящее время въ міръ вѣсть о чествованіи генія и при томъ генія, бывшаго и оставшагося далекимъ отъ новомодной или скорѣе варварски старомодной исключительности, по которой въ царствѣ духа народы не должны болѣе творить и дѣйствовать въ соединяющемъ и примиряющемъ міръ взаимоотношеніи свободнаго даванія и свободнаго полученія“.

Здѣсь въ общихъ чертахъ указаны почти всѣ главныя свойства поэзіи Пушкина,— ея высокая художественность, оригинальность, самобытность, близкое отношеніе къ дѣйствительности или реальная правда, ея благотвор-

ное вліяніе на читателей, которые выносятъ изъ нея чувства братской любви и примиренія.

Какъ эти свойства поэзіи Пушкина, такъ и другія обстоятельнѣе разсмотрѣны въ нашей литературѣ. Наша критика кромѣ этого разсматривала отношеніе Пушкина къ предшествовавшей ему литературѣ, она же касалась и вопроса объ отношеніи его къ послѣдующей. Важнѣйшія критическія статьи принадлежатъ — Гоголю, Бѣлинскому, Каткову, Аполлону Григорьеву, Анненкову, Незеленову и друг. Благодаря ихъ изученіямъ, изслѣдованіямъ и разысканіямъ, у насъ установились такіе взгляды на Пушкина и его литературную дѣятельность: онъ былъ поэтъ геніальный, не уступающій великимъ геніямъ другихъ народовъ. Поэтическій талантъ его былъ всеобъемлющій и отличался необыкновеннымъ разнообразіемъ. Творчеству его поддавались не только окружающая его современная жизнь, но и жизнь давно минувшая и жизнь другихъ народовъ, послѣднія онъ воспроизводилъ съ такимъ же совершенствомъ, какъ и первую. Онъ стяжалъ себѣ великую славу не только въ одномъ какомъ либо родѣ словесныхъ произведеній, но рѣшительно во всѣхъ: и въ лирикѣ и въ драмѣ и въ эпосѣ и въ такъ наз. беллетристикѣ онъ показалъ себя образцовымъ писателемъ, великимъ мастеромъ. У насъ онъ былъ родоначальникомъ художественной поэзіи, вѣрно изображающей нашу русскую жизнь. Въ немъ одномъ нашли свое полное выраженіе отдѣльныя усилія прежнихъ писателей, чтобы наша литература была точнымъ выраженіемъ нашей жизни и по языку и по содержанію. Стремленія Ломоносова, Карамзина и другихъ создать литературный языкъ, способный выражать всѣ понятія и оттѣнки высокаго развитія и вмѣстѣ понятный народу, стремленія Державина, Фонъ Визина, Новикова, Крылова и др. — сблизить литературу съ жизнію, сдѣлать ее выразительницею русской жизни, свойствъ русскаго духа,— всѣ эти стремленія въ лицѣ Пушкина увѣнчались полнымъ и блестящимъ успѣхомъ. Русскій литературный языкъ съ Пушкина у насъ

окончательно установился, литература наша освободилась отъ господства иноземныхъ вліяній и стала вполнѣ самостоятельною и оригинальною, она сдѣлалась выраженіемъ того, что составляетъ наше особенное, типовое, отличающее насъ отъ другихъ типовъ.

Какъ явленіе чрезвычайно великое, Пушкинъ имѣлъ и имѣетъ огромное вліяніе и на послѣдующую за нимъ русскую литературу, которая можетъ быть разсматриваема какъ развитіе даннаго уже Пушкинымъ, продолженіе начатаго имъ. Гоголь, идеями важнѣйшихъ своихъ произведеній — «Ревизора» и «Мертвыхъ душъ» обязанъ Пушкину, геній Пушкина сильно вліялъ и на крупный талантъ Лермонтова. Изъ послѣдующихъ лучшихъ писателей — Тургеневъ, Островскій и Гончаровъ сами называли себя учениками Пушкина. Какъ у нихъ, такъ и у другихъ нашихъ первостепенныхъ писателей все лучше, все характерное въ литературной дѣятельности можно въ зачаткахъ найти у Пушкина. И Достоевскій, и С. Аксаковъ и Левъ Толстой и др. развивали тѣ идеи и мотивы, которые такъ или иначе были уже затронуты Пушкинымъ.

Итакъ, вліяніе Пушкина на послѣдующую за нимъ нашу литературу было дѣйствительно огромное,—подвигъ, имъ совершенный, подвигъ великой важности. Онъ первый вполнѣ самостоятельный великій русскій поэтъ, родоначальникъ другихъ великихъ писателей, и потому онъ всегда будетъ составлять величайшую задачу для русской критики. Не смотря на установившіеся въ литературѣ и обществѣ болѣе или менѣе опредѣленные взгляды на Пушкина, критика будетъ пересматривать ихъ, провѣрять на основаніи новыхъ данныхъ, на основаніи вновь открываемыхъ произведеній Пушкина, на основаніи обнародываемыхъ свидѣтельствъ о немъ современниковъ его, на основаніи изученія эпохи, въ которой онъ жилъ и т. п. Вслѣдствіе этого личность Пушкина будетъ представляться яснѣе и яснѣе, его дѣятельность будетъ оцѣниваться вѣрнѣе и глубже.

Справляя печальныя поминки по великомъ человѣкѣ

великой русской земли, по безвременно умолкшимъ золотымъ устамъ, мы воспроизведемъ въ нашей памяти тѣ взгляды, какіе имѣлъ Пушкинъ на народность въ литературѣ, на русскую исторію, на наши отношенія къ другимъ народамъ и на вопросы религіозные. Вмѣстѣ съ этимъ мы будемъ указывать и на то, какъ эти взгляды выражались въ его произведеніяхъ.

Чтобы уяснить себѣ вопросъ о народности и сдѣлать свои произведенія вполнѣ народными по языку и содержанію, Пушкину нужно было усвоить всѣ стихіи общенародной рѣчи и, для пониманія народнаго духа, изучить русскую жизнь и современную ему и минувшую.

Воспитанный въ семьѣ, гдѣ домашнимъ языкомъ былъ французскій, Пушкинъ, по счастливому случаю, и въ дѣтствѣ могъ слышать прекрасную русскую народную рѣчь изъ устъ своей бабушки — Ганнибалъ и особенно своей няни, словоохотливой Арины Родіоновны, и онъ плѣнялся этой рѣчью. Впослѣдствіи, вспоминая объ этомъ, онъ писалъ:

Наперсница волшебной старины...
Ты, дѣтскую качая колыбель,
Мой юный слухъ напѣвами плѣнила
И межъ пеленъ оставила свирѣль,
Которую сама заворожила [1]).

Въ юномъ возрастѣ Пушкинъ изучалъ народную рѣчь по печатнымъ сказкамъ и пѣснямъ. Уже въ «Русланѣ и Людмилѣ» видно близкое его знакомство съ сказками о Бовѣ и Еруслапѣ и богатырскими пѣснями по собранію Кир-

---

[1]) П. говорилъ объ этомъ впослѣдствіи: „До семи лѣтъ моей единственной литературой были сказки моей бабушки и моей няньки Арины: вотъ почему я переложилъ ихъ въ стихи. Стенька Разинъ былъ моимъ первымъ героемъ, и я уже мечталъ о немъ, когда мнѣ не было 8 лѣтъ“ (Зап. Смирн., 233).

ши Данилова. Въ критическихъ замѣткахъ онъ писалъ: „Изученіе старинныхъ пѣсенъ, сказокъ и т. п. необходимо для совершеннаго знанія свойствъ русскаго языка; критики наши напрасно ими презираютъ“. Въ другомъ мѣстѣ онъ писалъ: „Разговорный языкъ простого народа (не читающаго иностранныхъ книгъ и, слава Богу, не искажающаго, какъ мы, своихъ мыслей на французскомъ языкѣ) достоинъ также глубочайшихъ изслѣдованій. Альфіери изучалъ итальянскій языкъ на флорентинскомъ базарѣ. Не худо намъ иногда прислушиваться къ московскимъ просвирнямъ: онѣ говорятъ удивительно чистымъ и правильнымъ языкомъ“.

Сообразно съ такими взглядами Пушкинъ изучалъ народный языкъ не только по изданнымъ народнымъ пѣснямъ и сказкамъ, но и по разсказамъ, а также и по старымъ письменнымъ памятникамъ, и онъ же положилъ начало записыванію народныхъ пѣсенъ, которое впослѣдствіи приняло у насъ широкіе размѣры. Изъ Михайловскаго онъ писалъ между прочимъ: „Вечеромъ слушаю сказки. Что за прелесть эти сказки. Каждая есть поэма!“ По всей вѣроятности, Пушкинъ слушалъ сказки главнымъ образомъ отъ своей няни, такъ какъ извѣстно, что со словъ ея онъ записалъ семь сказокъ и нѣкоторыя впослѣдствіи передалъ въ стихотворной формѣ. Отъ няни же, вѣроятно, онъ слышалъ и пѣсни, на содержаніе одной есть и указаніе въ его «Зимнемъ вечерѣ»:

Спой мнѣ пѣсню, какъ синица
Тихо за моремъ жила,
Спой мнѣ пѣсню, какъ дѣвица
За водой поутру шла.

О записываніи Пушкинымъ пѣсенъ въ Михайловскомъ, оставилъ свидѣтельство извѣстный собиратель народнаго словеснаго творчества Кирѣевскій. Въ предисловіи къ своему собранію народныхъ пѣсенъ онъ говоритъ: „Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ еще въ началѣ моего предпріятія доставилъ мнѣ замѣчательную тетрадь пѣсенъ,

собранныхъ имъ въ Псковской губерніи". Пушкину же принадлежитъ и особое собраніе народныхъ пѣсенъ о Стенькѣ Разинѣ [1]). Но Пушкинъ былъ не простымъ только собирателемъ, — онъ изучалъ эти пѣсни, вникалъ въ ихъ содержаніе и языкъ и свои мнѣнія высказывалъ въ обществѣ, чѣмъ возбуждалъ интересъ къ народной поэзіи, особенно въ молодомъ поколѣніи. Князь П. П. Вяземскій свидѣтельствуетъ: „Съ жадностью слушалъ я высказываемое Пушкинымъ своимъ друзьямъ мнѣніе о прелести и значеніи богатырскихъ сказокъ, о звучности народнаго русскаго языка". Въ записки Пушкина занесены имъ и нѣсколько пословицъ народныхъ и поговорокъ, а также нѣсколько терминовъ, взятыхъ изъ книги «Сокольничьи пути», изъ лѣтописей и актовъ. Наконецъ Пушкинъ довольно работалъ и надъ языкомъ чуднаго произведенія древней Руси—«Слова о полку Игоревѣ», въ которомъ находилъ поэзіи больше, чѣмъ у нашихъ поэтовъ XVIII ст.

Усвоивъ народный языкъ и художественно сочетавъ его съ прежнимъ литературнымъ, Пушкинъ первый сдѣлалъ нашу литературу народною и по содержанію. Предметомъ поэзіи его являются у него и русская сѣверная природа, и сцены деревенской жизни, и къ нимъ онъ питаетъ такое же сочувствіе, какъ и къ сценамъ и происшествіямъ городской жизни и жизни образованнаго общества.

Люблю песчаный косорогъ,
Передъ избушкой двѣ рябины,
Калитку, сломанный заборъ,
На небѣ сѣренькія тучи,

---

[1]) Кромѣ няни и крестьянъ Пушкинъ любилъ слушать пѣсни и записывать ихъ и отъ другихъ лицъ изъ интеллигенціи. Такъ онъ охотно бесѣдовалъ со старухой Ушаковой и часто просилъ ее диктовать ему извѣстныя ей русскія народныя пѣсни и повторять ихъ напѣвы (Л. Майковъ. Пушк., стр. 362).

Передъ гумномъ соломы кучи,
Да прудъ подъ сѣнью ивъ густыхъ —
Раздолье утокъ молодыхъ.
Теперь мила мнѣ балалайка,
Да пьяный топотъ трепака
Передъ порогомъ кабака.

Равнымъ образомъ онъ же сдѣлалъ достояніемъ поэзіи и личность всякаго человѣка безъ различія его общественнаго положенія. Въ защиту избираемыхъ литературой новыхъ сюжетовъ Пушкинъ писалъ въ 1830 г.: „Хорошее общество можетъ существовать не въ одномъ кругу, а вездѣ, гдѣ есть люди честные, умные и образованные. Жеманство и напыщенность болѣе оскорбляютъ, чѣмъ простонародность“.

Но и языкъ, и содержаніе не служатъ еще полнымъ ручательствомъ въ народности поэзіи. Пушкинъ объ этомъ писалъ: „Одинъ изъ нашихъ критиковъ, кажется, полагаетъ, что народность состоитъ въ выборѣ предметовъ изъ отечественной исторіи. Другіе видятъ народность въ словахъ, оборотахъ, выраженіяхъ, т. е. радуются тому, что изъясняются по-русски, употребляютъ русскія выраженія. Народность въ писателѣ есть достоинство, которое вполнѣ можетъ быть оцѣнено одними соотечественниками, — для другихъ оно или не существуетъ, или даже можетъ показаться порокомъ... Есть образъ мыслей и чувствованій, есть тьма обычаевъ, повѣрій и привычекъ, принадлежащихъ исключительно какому либо народу. Климатъ, образъ жизни, вѣра, даютъ каждому народу особенную физіономію, которая такъ или иначе отражается и въ поэзіи“. Имѣя такой вѣрный взглядъ на народность писателя, Пушкинъ осуществилъ его и на дѣлѣ въ своихъ произведеніяхъ. Никому изъ прежнихъ русскихъ писателей не удавалось такъ ясно, такъ отчетливо представить свойства русскихъ характеровъ, какъ Пушкину. Эти характеры являются у него во всей жизненной правдѣ, прямо выхвачены изъ дѣйствительности, являются такими, какими сложились у насъ исторически подъ вліяніемъ семей-

ныхъ понятій и религіи. Татьяна въ «Евгеніи Онѣгинѣ», Марья Ивановна въ «Капитанской дочкѣ» — это чистые и яркіе типы русской женщины. Онѣ представляютъ собою живое олицетвореніе семейныхъ добродѣтелей, онѣ отличаются необыкновенною теплотою, нѣжностію и задушевною глубиною чувства; при всей твердости въ сознаніи и исполненіи своего долга, они однако не заключаютъ въ себѣ ничего величественнаго и суроваго. Онѣ развивались и крѣпли не во имя отвлеченныхъ понятій о долгѣ и чести, а во имя начала семейнаго, регулируемаго у насъ голосомъ и требованіями церкви, во имя Христово.

Съ такими же привлекательными чертами характеровъ являются у Пушкина и мужскіе, чисто русскіе типы, неохваченные иноземными вліяніями. Искренность, чистосердечіе, терпѣливая покорность и глубокая преданность своему долгу, всегда тихое, покойное и ровное настроеніе — вотъ ихъ отличительныя свойства. Таковъ капитанъ Мироновъ, таковъ Бѣлкинъ и др. Посмотрите на лѣтописца Пимена! Самъ Пушкинъ преклоняется предъ нимъ. Онъ пишетъ о немъ: „Характеръ Пимена не есть мое изобрѣтеніе. Въ немъ собралъ я черты, плѣнившія меня въ нашихъ старыхъ лѣтописяхъ: умилительная кротость, младенческое и вмѣстѣ мудрое простодушіе, набожное усердіе къ власти царя, данной Богомъ, совершенное отсутствіе суетности дышатъ въ сихъ драгоцѣнныхъ памятникахъ временъ давноминувшихъ, между коими озлобленная лѣтопись князя Курбскаго отличается отъ прочихъ лѣтописей, какъ бурная жизнь Іоаннова изгнанника отъ смиренной жизни безмятежныхъ иноковъ“.

Знаменательно здѣсь сопоставленіе двухъ литературныхъ направленій въ нашей древности,—одного, вытекавшаго изъ всего прежняго строя нашей жизни, и другого, развивавшагося въ то время, когда старый идеалъ сталъ падать, когда несмотря на правила Домостроя, на напоминанія Максима Грека, на постановленія Стоглаваго Собора, стала проникать на Русь всякая пестрая прелесть,

тревожное, злобное начало, недовольство вѣковыми порядками. И Пушкинъ, видимо, становится на сторону перваго, какъ болѣе высокаго, свободнаго отъ личныхъ вожделѣній. Да и могъ ли онъ иначе отнестись къ послѣднему направленію, когда привнесенное къ намъ извнѣ тревожное начало, даже ратующее во имя чего то высшаго, чѣмъ личный интересъ, онъ выставилъ непривлекательно и въ «Кавказскомъ плѣнникѣ», и въ «Алеко», и въ «Евгеніи Онѣгинѣ»? Несмотря на порывы этихъ лицъ къ чему то героическому, Пушкинъ не могъ сочувствовать имъ. Хоть они были и русскими, но они выражали собою не наши начала жизни, а то, что нами заимствовано изъ жизни другихъ народовъ и что совершенно меркнетъ при столкновеніи съ нашимъ самобытнымъ, типовымъ, вытекающимъ изъ нашей природы, изъ семейнаго строя и изъ всей исторіи.

Какъ человѣкъ геніальный, съ необыкновенной воспріимчивостью, Пушкинъ вѣрно понялъ коренныя свойства русскаго характера, русскаго духа, особенно изъ наблюденій надъ простонародною жизнію, гдѣ эти свойства хранятся въ болѣе чистомъ видѣ. Что же касается пониманія исторической жизни, то и здѣсь, благодаря свѣтлому уму и живому воображенію, онъ легко могъ разобраться при пособіи исторіи Карамзина и лѣтописи, относительно древняго періода, и разнаго рода записокъ и устныхъ преданій относительно времени, близкаго къ нему. Онъ высказывалъ очень вѣрныя сужденія о нашемъ прошломъ и очень живо воспроизводилъ его въ своихъ произведеніяхъ, какъ напр. въ «Пѣсни о вѣщемъ Олегѣ», «Борисѣ Годуновѣ», «Капитанской дочкѣ» и др.

Стремясь къ сближенію поэзіи съ общенародной русской жизнію, Пушкинъ считалъ необходимымъ пробудить въ обществѣ стремленіе узнать историческія основы этой жизни, наше историческое значеніе, нашу связь съ предыдущими поколѣніями. Безъ этого онъ считалъ невозможнымъ національное самосознаніе въ обществѣ. Пушкинъ обращался къ нашему прошлому исключительно

съ цѣлями нравственными и гражданскими, какъ прежде и Новиковъ, обращая вниманіе общества на старину изданіемъ «Древней Россійской Вивліоѳики», хотѣлъ противопоставить легкости и вольности нравовъ своихъ современниковъ простоту жизни и нравственныя доблести нашихъ прапрадѣдовъ.

Пушкина очень возмущало небрежное отношеніе къ заслугамъ предковъ, а особенно забвеніе ихъ; онъ писалъ: „Дикость и невѣжество не уважаютъ прошедшаго, пресмыкаясь предъ однимъ настоящимъ. И у насъ иной потомокъ Рюрика болѣе дорожитъ звѣздою двоюроднаго дядюшки, чѣмъ исторіей своего дома, т. е. исторіей отечества... И это вы ставите ему въ достоинство... Мы такъ положительны, что прошедшее для насъ не существуетъ. Карамзинъ недавно разсказалъ намъ нашу исторію, но едва ли мы выслушали ее. Мы гордимся не славою предковъ... Мы на колѣняхъ предъ настоящимъ случаемъ, успѣхомъ; но очарованіе древности, благодарность къ прошедшему и уваженіе къ нравственнымъ качествамъ у насъ... Замѣтьте, что неуваженіе къ предкамъ есть первый признакъ безнравственности“ [1]).

Но говоря объ уваженіи къ предкамъ, Пушкинъ сдѣлалъ оговорку, чтобы это уваженіе не обратилось въ смѣшной недостатокъ, въ кичливость знатностью того или другого рода. Онъ писалъ: „Есть достоинства выше знатности, достоинства личныя. Имена Минина и Ломоносова вдвоемъ перевѣсятъ всѣ наши старинныя родословныя; но неужели потомству смѣшно было бы гордиться сими именами?“

Величественный образъ Петра Великаго, какъ осно-

---

[1]) П. говорилъ своимъ друзьямъ: „Мы слишкомъ забываемъ нашихъ предковъ; вообще мы забываемъ слишкомъ много полезныхъ вещей, а помнимъ массу вещей излишнихъ. (Мы помнимъ) самые плоскіе анекдоты, самые дурацкіе каламбуры, самыя пошлыя шутки, и весь этотъ товаръ мы выкладываемъ въ гостинныя, это называется causer“ (Зап. См., 304).

вателя новой жизни, часто занималъ поэтическую фантазію Пушкина, — и Пушкинъ нѣсколько разъ воспроизводилъ этотъ образъ согласно съ народными взглядами, съ народными преданіями и разсказами. Петръ Великій, вѣчный работникъ на тронѣ, у Пушкина является то въ простой обыденной обстановкѣ, близкимъ къ народу, то какъ герой, побѣдитель сильнаго врага, какъ основатель могущественной монархіи, знавшій предназначеніе Россіи [1]). Но чѣмъ больше знакомился Пушкинъ съ историческими документами, тѣмъ яснѣе становились для него и слабыя стороны, какъ характера Петра, такъ и его дѣятельности и послѣдствій этой дѣятельности. Въ дѣятельности его Пушкинъ видѣлъ не только мѣры мудрыя, но и жестокія, насильственныя. Послѣдствіемъ его реформы явилось между прочимъ и слѣдующее. „По смерти Петра I", писалъ Пушкинъ, „связи древняго порядка вещей были прерваны на вѣки, воспоминанія старины мало помалу исчезли. Народъ постояннымъ упорствомъ удержалъ бороду и русскій кафтанъ и смотрѣлъ уже равнодушно на нѣмецкій образъ жизни обритыхъ своихъ бояръ. Новое поколѣніе, воспитанное подъ европейскимъ вліяніемъ, часъ отъ часу болѣе привыкало къ выгодамъ просвѣщенія. Гражданскіе и военные чиновники болѣе и болѣе умножались, иностранцы, въ то время столь нужные, пользовались прежними правами"...

---

[1]) Въ 1833 г., въ разговорѣ съ Далемъ, коснувшись Петра, П. говорилъ, что непремѣнно, кромѣ дѣеписанія о немъ, создастъ и художественное въ память его произведеніе: „Я еще не могъ доселѣ постичь и обнять вдругъ умомъ этого исполина: онъ слишкомъ огроменъ для насъ близорукихъ, и мы стоимъ къ нему еще близко — надо отодвинуться на два вѣка, — но постигаю его чувствомъ; чѣмъ болѣе его изучаю, тѣмъ болѣе изумленіе и подобострастіе лишаютъ меня средствъ мыслить и судить свободно. Не надобно торопиться, надобно освоиться съ предметомъ и постоянно имъ заниматься; время это исправитъ. Но я сдѣлаю изъ этого золота что нибудь. О, вы увидите: я еще много сдѣлаю" (Л. Майк., Пушк., стр. 419).

Эти наброски Пушкина даютъ понять, что не все въ реформѣ было хорошо. Не хорошо было особенно то, что произошло рѣзкое раздѣленіе между сословіями и по образу жизни, и по правамъ. Говоря объ Екатеринѣ II-й, Пушкинъ замѣтилъ, что она обогатила своихъ приближенныхъ на счетъ народа, унизила духъ дворянъ, потворствуя ихъ дурнымъ инстинктамъ, а лишивъ духовенство независимаго состоянія и ограничивъ монастырскіе доходы, она нанесла сильный ударъ и просвѣщенію народному.

Одна только особенно свѣтлая сторона видѣлась Пушкину въ ходѣ послѣ-петровской исторіи: „Образъ правленія въ Россіи остался неприкосновеннымъ, не смотря на неоднократныя попытки честолюбивой аристократіи ограничить самодержавіе. Это спасло насъ отъ чудовищнаго феодализма, и существованіе народа не отдѣлилось вѣчною чертою отъ существованія дворянъ. Если бы гордые замыслы Долгорукихъ и пр. совершились, то владѣльцы душъ, сильные своими правами, всѣми силами затруднили бы или даже вовсе уничтожили способы освобожденія людей крѣпостного состоянія, ограничили бы число дворянъ и заградили бы для прочихъ сословій путь къ достиженію должностей и почестей государственныхъ. Одно только страшное потрясеніе могло бы уничтожить въ Россіи закоренѣлое рабство, нынче же политическая наша свобода неразлучна съ освобожденіемъ крестьянъ; желаніе лучшаго соединяетъ всѣ состоянія противу общаго зла, и твердое и мирное единодушіе можетъ скоро поставить насъ на ряду съ просвѣщенными народами Европы“.

Но указывая слабыя стороны въ нашей исторіи, особенно послѣ-петровской, Пушкинъ однакоже, не впадалъ въ пессимизмъ, да и не находилъ причинъ, почему бы намъ нужно было унижаться предъ другими народами. Въ отвѣтъ на Философическія письма Чаадаева онъ писалъ въ 1836 году: ...„Что же касается нашего историческаго ничтожества, я положительно не могу съ вами согласиться. Войны Олега и Святослава и даже удѣльныя войны, вѣдь, это та же жизнь кипучей отваги и безцѣль-

ной и недозрѣлой дѣятельности, которая характеризуетъ молодость всѣхъ народовъ. Вторженіе татаръ есть печальное и великое зрѣлище. Пробужденіе Россіи, развитіе ея могущества, ходъ къ единству (къ русскому, конечно, единству), оба Ивана, величественная драма, начавшаяся въ Угличѣ и окончившаяся въ Ипатьевскомъ монастырѣ, — какъ, неужели это не исторія, а блѣдный и полузабытый сонъ? А Петръ Великій, который одинъ — цѣлая всемірная исторія? А Екатерина II-я, помѣстившая Россію на порогъ Европы? А Александръ, который привелъ насъ въ Парижъ, и положа руку на сердце развѣ вы не находите чего то величественнаго въ настоящемъ положеніи Россіи, чего то такого, что должно поразить историка? Думаете ли, что онъ поставитъ насъ внѣ Европы? Клянусь вамъ честью, что ни за что на свѣтѣ я не захотѣлъ бы перемѣнить отечество, ни имѣть другой исторіи, какъ исторію нашихъ предковъ, такую, какъ намъ Богъ ее послалъ" [1]).

И на эту нашу исторію Пушкинъ смотрѣлъ какъ на

---

[1]) Около этого же времени П. говорилъ въ бесѣдахъ съ друзьями: „Я очень горжусь Россіей, всѣмъ, что она совершила со времени Петра В., я горжусь тѣмъ, что она произвела такого своеобразнаго генія, такого великаго патріота, который никогда не усомнился въ будущности своей родины, въ ея силахъ, въ ея способностяхъ, который всегда вѣрилъ въ нее и передъ Полтавской битвой сказалъ своимъ войскамъ: «думать не о Царѣ, но о Россіи!» Это слова патріота, гражданина. Петръ разрушилъ только развалины, предразсудки, которые крѣпче всякихъ принциповъ. Да, Петръ былъ революціонеръ, гигантъ, но это геній, какихъ нѣтъ, тѣмъ болѣе великій, что со времени его смерти прошло 100 лѣтъ, а у него были идеи, которыя опередили его время на цѣлый вѣкъ. Жалкимъ былъ бы я русскимъ патріотомъ, еслибъ сѣтовалъ на него за то, что онъ отнялъ у боярства нѣкоторыя права, которыми часто дурно, очень дурно пользовались, хотя не рѣдко не щадили себя и приносили большія жертвы странѣ. Я безъ конца спорю съ Хомяковымъ и Погодинымъ, хотя люблю и цѣню ихъ, но они слишкомъ несправедливы къ П. В." (Зап. См., 278 и 288).

особый культурный міръ, развивающійся самостоятельно изъ своихъ собственныхъ началъ. По поводу исторіи русскаго народа Н. Полевого онъ писалъ: „Россія никогда не имѣла ничего общаго съ остальною Европою, исторія ея требуетъ другой мысли, другой формулы, чѣмъ мысли и формулы, выведенныя Гизотомъ изъ исторіи христіанскаго запада“.

Проникнутый любовью къ отечеству и видя благо его въ свободѣ народной и политической, Пушкинъ естественно не могъ оставаться равнодушнымъ, когда западные витіи старались забрать въ свои руки судъ надъ нашими домашними дѣлами. Онъ смѣло отвѣтилъ имъ на ихъ задоръ, брань, клевету и оскорбленія двумя стихотвореніями: «Клеветникамъ Россіи» и «Бородинская годовщина». Въ этомъ отвѣтѣ сказался истинно русскій человѣкъ, съ гордостью опирающійся на испытанную русскую силу и въ исключительныхъ случаяхъ смѣло принимающій вызовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ милостивый и снисходительный къ врагу побѣжденному. Не даромъ Чаадаевъ, товарищъ Пушкина, писалъ ему по поводу этихъ стихотвореній: „Сейчасъ видѣлъ два вашихъ новыхъ стихотворенія. Другъ мой! Никогда еще вы не доставляли мнѣ такого удовольствія. Наконецъ то вы народный поэтъ, наконецъ то вы разгадали свое призваніе. Особенно дивно хороши ваши стихотворенія къ врагамъ Россіи; вѣрьте моему слову,—въ нихъ больше мыслей, чѣмъ сказано и сдѣлано въ цѣлый вѣкъ въ странѣ сей“. Вслѣдствіе своего воспитанія, считавшій наше духовное просвѣщеніе ниже католическо-европейскаго, Чаадаевъ, какъ человѣкъ все таки очень умный, увидѣлъ въ стихотвореніяхъ Пушкина и гражданскую доблесть, и глубокое политическое прозрѣніе поэта. Необходимо и своевременно было тогда возвысить голосъ предъ ненавистью, уличить легкоязычныхъ витій въ неблагодарности къ намъ

За то, что въ бездну потопили
Мы тяготѣющій надъ царствами кумиръ

И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и миръ.

Нужно было смѣло поставить имъ вопросъ:

— Еще ли Россъ —
Больной разслабленный колоссъ?
Еще ли сѣверная слава
Пустая притча, ложный сонъ?

Нужно было напомнить любителямъ знакомаго пира, охмѣлявшаго ихъ кровью славянъ,

Что тяжко будетъ ихъ похмѣлье,
Что дологъ будетъ сонъ гостей
На темномъ, хладномъ новосельѣ
Подъ злакомъ сѣверныхъ полей.

Нужно было заявить имъ наконецъ, что славянскій споръ — домашній старый споръ, давно ужъ взвѣшенный судьбой. Этотъ споръ потерялъ уже характеръ національнаго соревнованія изъ за того, кому быть руководителемъ великаго, но раздробленнаго племени, и перешелъ въ семейную вражду, которая должна окончиться помимо сторонняго вмѣшательства. Равновѣсіе давно уже утрачено, вопросъ теперь лишь въ томъ:

Славянскіе ль ручьи сольются въ русскомъ морѣ,
Оно ли изсякнетъ?

Но это море почти необъятно: оно отъ Перми до Тавриды, отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды, отъ потрясеннаго Кремля до стѣнъ недвижнаго Китая. Оно полно той силы, которая все превозмогаетъ, оно преисполнено всепрощающей любви и милосердія, при чемъ—

Въ бореньи падшій невредимъ,
Враговъ мы въ прахѣ не топтали...
Они народной Немезиды
Не узрятъ гнѣвнаго лица

И не услышатъ пѣснь обиды
Отъ лиры русскаго пѣвца!

Въ зрѣломъ возрастѣ часто тяготили Пушкина упреки совѣсти за легкомысліе юности. Онъ строго осуждалъ эротическіе стихи, осуждалъ тѣ стихи, въ которыхъ воспѣвалось вино, и особенно тѣ, по его словамъ, недостойные его дарованія и не предназначаемые имъ для печати, въ которыхъ сказалось легкомысленное отношеніе къ предметамъ вѣры и церкви. Когда въ Михайловскомъ онъ обратился къ изученію поэзіи Священнаго писанія, въ немъ произошла перемѣна во взглядахъ и убѣжденіяхъ. Такую перемѣну онъ считалъ совершенно естественною и необходимою при развитіи человѣка. По поводу книги Радищева онъ писалъ: „Время измѣняетъ человѣка, какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Мужъ со вздохомъ или улыбкою отвергнетъ мечты, волновавшія юношу. Моложавыя мысли, какъ и моложавое лицо, всегда имѣютъ что то странное и смѣшное. Глупецъ одинъ не измѣняется, ибо время не приноситъ ему развитія, а опыты для него не существуютъ“. Мицкевичъ, встрѣчавшійся съ Пушкинымъ, по возвращеніи его изъ Михайловскаго, свидѣтельствовалъ о немъ: что онъ любилъ обращать вниманіе на высокіе вопросы религіозные и общественные; а князь П. П. Вяземскій говорилъ, что Пушкинъ въ 1831 г. постоянно и настойчиво указывалъ мнѣ на недостаточное мое знакомство съ текстами Священнаго писанія и убѣдительно настаивалъ на чтеніи книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта.

Но самымъ лучшимъ доказательствомъ глубокаго религіознаго чувства, которое въ немъ развивалось и постепенно крѣпло съ лѣтами, служатъ его произведенія, исполненныя глубокой вѣры. Они начинаются съ 1830 г. и первое изъ нихъ вызвано было участіемъ знаменитаго московскаго митрополита Филарета къ отчаянію и горю Пушкина. Послѣдняя строфа этого произведенія вышла изъ подъ пера автора въ такомъ видѣ:

Твоимъ огнемъ душа согрѣта,
Отвергла мракъ земныхъ суетъ,
И внемлетъ арфѣ Филарета
Въ священномъ ужасѣ поэтъ.

Съ этого времени Пушкинъ написалъ и еще нѣсколько столь же чудныхъ произведеній. Изъ нихъ переложеніе великопостной молитвы: «Господи, Владыко живота моего...», кратко выражающей всю суть христіанства, невольно приходитъ на умъ во дни скорби и печали, читается и перечитывается съ великою отрадою для сердца:

Отцы пустынники и жены непорочны,
Чтобъ сердцемъ возлетать во области заочны,
Чтобъ укрѣплять его средь дольнихъ бурь и битвъ,
Сложили множество божественныхъ молитвъ;
Но ни одна изъ нихъ меня не умиляетъ,
Какъ та, которую священникъ повторяетъ
Во дни печальные Великаго поста;
Всѣхъ чаще мнѣ она приходитъ на уста —
И падшаго свѣжитъ невѣдомою силой:
Владыка дней моихъ! Духъ праздности унылой,
Любоначалія, змѣи сокрытой сей,
И празднословія не дай душѣ моей;
Не дай мнѣ зрѣть мои, о Боже, прегрѣшенья,
Да братъ мой отъ меня не приметъ осужденья,
И духъ смиренія, терпѣнія, любви
И цѣломудрія мнѣ въ сердцѣ оживи.

Какъ глубокій мыслитель, Пушкинъ считалъ религію необходимымъ элементомъ разумнаго существованія человѣка на землѣ. Собираясь, незадолго до смерти, удалиться отъ шума городской жизни въ деревню, онъ писалъ: „О, скоро ль я перенесу свои пенаты въ деревню! Поля, садъ, крестьяне, книги, труды поэтическіе, семья, любовь, Религія, Смерть“.

Будучи человѣкомъ религіознымъ, Пушкинъ видѣлъ великое благо для Россіи и въ той формѣ нашего хри-

стіанскаго вѣроисповѣданія, какую мы имѣемъ и какую получили отъ Византіи. Въ 1822 году онъ писалъ: „Греческое вѣроисповѣданіе, отдѣльное отъ всѣхъ прочихъ, даетъ намъ особенный національный характеръ. Въ Россіи вліяніе духовенства было столько же благотворно, сколько пагубно въ земляхъ римско-католическихъ. Тамъ оно, признавая главою своею папу, составляло особое общество, независимое отъ гражданскихъ законовъ, и вѣчно полагало суевѣрныя преграды просвѣщенію. У насъ, напротивъ, завися, какъ и всѣ прочія состоянія отъ единой власти, но огражденное святыней религіи, оно всегда было посредникомъ между народомъ и государемъ, какъ между человѣкомъ и божествомъ. Мы обязаны монахамъ нашею исторіею, слѣдовательно и просвѣщеніемъ“.

Еще сильнѣе высказался Пушкинъ въ защиту нашего вѣроисповѣданія и нашего духовенства въ 1836 г., въ своемъ отвѣтѣ на философическія письма Чаадаева. Здѣсь онъ указалъ также и на наше особенное призваніе, на наше мученичество, благодаря которому, христіанское просвѣщеніе на западѣ было спасено въ татарское нашествіе, и католическая Европа безъ помѣхи могла энергически развиться. „Вы говорите, что мы черпали христіанство изъ нечистаго источника, что Византія была достойна презрѣнія и презираема и т. п. Но, другъ мой, развѣ самъ Христосъ не родился евреемъ, и Іерусалимъ развѣ не былъ притчею во языцѣхъ? Развѣ Евангеліе отъ этого менѣе дивно? Мы приняли отъ грековъ Евангеліе и преданія, но не приняли отъ нихъ духа ребяческой мелочности и преній. Нравы Византіи никакъ не были нравами Кіева. Русское духовенство до Ѳеофана было достойно уваженія: оно никогда не оскверняло себя мерзостями папства и конечно не вызвало бы реформаціи въ минуту, когда человѣчество нуждалось больше всего въ единствѣ“.

Выше мы сказали, что Пушкинъ далъ новое направленіе нашей литературѣ, отъ котораго она и теперь существенно не отступаетъ у лучшихъ нашихъ писателей. Что же это за направленіе? Онъ самъ называлъ себя романтикомъ, но подъ этимъ словомъ, говоритъ Анненковъ, въ его умѣ таилось совсѣмъ другое пониманіе, т. е. понятіе о творческомъ созданіи, не принадлежащемъ къ какой либо системѣ или одностороннему воззрѣнію. Пушкинъ писалъ часто: „я хотѣлъ бы написать что нибудь истинно романтическое“, а по поводу «Бориса Годунова» онъ писалъ Бестужеву: „Я написалъ трагедію, и ею очень доволенъ, но страшно въ свѣтъ выдать — робкій вкусъ нашъ не стерпитъ истиннаго романтизма. Сколько я ни читалъ о романтизмѣ, все не то“. Послѣ этого онъ писалъ: „Зачѣмъ писателю не повиноваться принятымъ обычаямъ въ словесности своего народа, какъ онъ повинуется законамъ своего языка?“ И наконецъ, говоря о необходимости у насъ принципіальной литературной критики, онъ сказалъ: „Нужно дать нашей словесности новое, истинное направленіе“. И онъ далъ его своими произведеніями. Одни изъ критиковъ называютъ это направленіе художественнымъ, другіе реальнымъ, третьи національнымъ. Но эти названія въ отдѣльности не обнимаютъ всего, сдѣланнаго Пушкинымъ, и развѣ только въ своей совокупности могутъ болѣе или менѣе характеризовать направленіе, данное Пушкинымъ нашей литературѣ.

Новое, истинное направленіе, о которомъ говорилъ Пушкинъ не ограничивается однако литературной только областью. Пушкинъ имѣлъ огромное вліяніе и на направленіе русской мысли вообще. Взгляды его на религію, на самодержавіе верховной власти, на русскую исторію и народность, на наши отношенія къ другимъ народамъ— эти общественныя и политическія воззрѣнія его были какъ бы предвозвѣстниками того направленія самобытной русской мысли, которое скоро послѣ смерти Пушкина стало формулироваться въ систему. Это направленіе, какъ

возникшее на славянской почвѣ и развивающееся изъ коренныхъ свойствъ славянской природы и духа — направленіе славянское, равное по значенію романтизму и классицизму и превосходящее всѣ другія направленія — мистическое, сантиментальное, натуралистическое и т. п. Благодаря трудамъ И. Кирѣевскаго, Хомякова, братьевъ Аксаковыхъ, Достоевскаго и мн. др., это направленіе выработалось въ цѣлое ученіе о нашей самостоятельности и племенной славянской единобытности. Всѣ основныя положенія этого ученія [1]) мы находимъ въ зачаткахъ

---

[1]) Они слѣдующія: 1) Источникъ и охрану нашей національной самобытности составляетъ христіанская религія. Истинное христіанство въ чистомъ и безпримѣсномъ видѣ содержится въ православіи. Православіе, какъ изначальная и необходимая принадлежность нашей народной жизни составляетъ не только необходимое условіе самобытности, независимости этой жизни, но и великое и рѣшительное преимущество ея въ сравненіи съ отличительнымъ характеромъ національной жизни другихъ европейскихъ народовъ. Православная вѣра ставитъ русскій народъ на высшую точку зрѣнія сравнительно съ другими вѣроисповѣданіями; только при просвѣщеніи, основанномъ на православіи, возможно полное единство знанія и вѣры, живое и совершенное согласіе между собою всѣхъ силъ человѣческаго духа, между тѣмъ какъ въ западномъ просвѣщеніи царитъ наслѣдіе стараго Рима: наружная разсудочность беретъ перевѣсъ надъ внутренней сущностью; при отвлеченноразсудочномъ направленіи ума, истины думаютъ тамъ достигнуть наружною святостію понятій, потому и просвѣщеніе тамъ не можетъ создать чего либо живого и прочнаго, а лишь формальное и разрушающееся. Въ западныхъ церквахъ господствуетъ раздробленность или только внѣшнее единство; православная церковь отличается отъ нихъ строгимъ внутреннимъ единствомъ: въ ней и видимая и невидимая церковь соединены благодатію Божіею, въ ней и Писаніе и Преданіе составляютъ проявленіе одного и того же Духа, вѣра и дѣла неразлучны и т. п.

2) Въ параллель строгому единству Церкви, жизнь русскаго народа, воспитанная подъ преобладающимъ вліяніемъ церкви отличается господствомъ общиннаго начала, преобладаніемъ общенародныхъ обычаевъ, убѣжденій и вѣрованій надъ частными индивидуальными интересами и стремленіями. Лич-

у Пушкина, и потому къ его нерукотворному памятнику не только не заростаетъ народная тропа, но она бу-

---

ность въ русской исторіи играетъ вовсе не большую роль; принадлежность личности гордость, а гордости то и нѣтъ у насъ. Нѣтъ у насъ рыцарства, ни безчеловѣчной религіозной пропаганды, ни крестовыхъ походовъ, ни вообще этого безпрестаннаго щегольского драматизма страстей. Дѣло въ томъ, что другую задачу задалъ себѣ народъ нашъ на землѣ, что христіанское ученіе глубоко легло въ основаніе его жизни. Отсюда среди бурь и волненій, насъ посѣщавшихъ, эта молитвенная тишина и смиреніе, отсюда внутренняя духовная-жизнь вѣры. Смиреніе въ настоящемъ смыслѣ несравненно большая и высшая сила духа, чѣмъ всякая гордая, безстрашная гордость. Вотъ съ какой стороны, со стороны христіанскаго смиренія нужно смотрѣть на русскій народъ и его исторію. Въ такомъ народѣ не прославляется человѣкъ съ его дѣлами, но прославляется одинъ Богъ..., но русскій народъ не впалъ и въ другую гордость, въ гордость смиреніемъ, въ гордость вѣрою. Нѣтъ, это народъ христіанскій, постоянно чувствующій свою грѣховность.

3) Исторія Россіи совершенно противоположна исторіи Запада, пути ихъ не могутъ сойтись. Сближеніе русскаго народа съ западнымъ просвѣщеніемъ могло совершиться только насильственно при Петрѣ. Петръ сталъ принимать все отъ иностранцевъ, не только полезное и общечеловѣческое, какъ было до него, но и частное, индивидуальное, самую жизнь иностранцевъ со всѣми ея случайными подробностями. Это насильственное сближеніе должно было нарушить органическій строй русскаго быта. Послѣдствіемъ насильственнаго сближенія при Петрѣ было разобщеніе высшихъ классовъ съ народною жизнію, пренебреженіе вѣковыми преданіями этой жизни, отчужденіе отъ своей страны и рабство въ отношеніи къ чужеземному игу въ видѣ несвойственныхъ русскому быту формъ и пріемовъ не только общежитія, но даже мышленія и языка. И во времена удѣловъ, и въ московскомъ государствѣ былъ союзъ верховной власти съ народомъ, съ землею, — первой принадлежала сила власти, второй сила мнѣнія. Съ Петра и этотъ союзъ порвался. Единственнымъ и самымъ драгоцѣннымъ наслѣдіемъ отъ древней Руси, уцѣлѣвшимъ среди всѣхъ перемѣнъ, осталось и доселѣ остается самодержавіе верховной власти. Эта власть, какъ прежде, такъ и теперь служитъ предметомъ благоговѣйнаго почитанія и преданности народа. Какъ въ древней

детъ пробиваться все шире и шире, чѣмъ шире и глубже завѣтныя идеи и стремленія геніальнаго русскаго по-

---

Руси верховная власть въ понятіяхъ народа была представительницею и олицетвореніемъ высшей христіанской правды, такъ и доселѣ она остается съ тѣмъ же значеніемъ.

4) Говоря о русской народности, какъ организмѣ, представляя ее слившеюся органически съ православіемъ и сильною самодержавіемъ верховной властію, славянофилы старались уяснить и доказать, что русскія воззрѣнія должны у насъ существовать и проникать науку, литературу, искусство и политику. Народность въ наукѣ должна выразиться наиболѣе глубокимъ пониманіемъ собственной исторіи и безпристрастнымъ отношеніемъ къ другимъ народностямъ. Но главнымъ образомъ разныя воззрѣнія и теоріи, выработываемыя наукою, должны быть проникнуты духомъ православія или по крайней мѣрѣ не быть въ противорѣчіи съ этимъ духомъ, а тѣмъ болѣе не отрицать его, какъ и православіе не отрицаетъ науки, допускаетъ вполнѣ мирное сожительство вѣры съ наукою. Народность въ литературѣ осязательно является со времени Пушкина, который сочеталъ поэзію художественную съ поезіею народною. Въ литературѣ онъ водворилъ окончательно и народную молвь, и историческія русскія народныя воззрѣнія. Для большаго самосознанія мы должны внимательнѣе относиться къ уясненію того, чѣмъ были прежде, къ изученію нашего быта въ древней исторіи и къ изученію быта простого народа, котораго не коснулись иноземныя вліянія. Семейное начало, слабое проявленіе личности наложили особую печать на нашъ народный характеръ, и этотъ характеръ — спокойный и тихій составляетъ нашу отличительную черту, которая съ такимъ сочувствіемъ, съ такою любовію рисуется въ нашихъ литературныхъ произведеніяхъ. Въ политикѣ мы должны сообразоваться съ народомъ, который не нуждается въ особомъ, предлагаемомъ разными благодѣтелями, руководствѣ,—онъ самъ хранитъ въ себѣ всю необходимую для его жизни мудрость; онъ имѣетъ историческія идеи, вѣками выработанныя, хотя и не умѣетъ облечь эти идеи въ стройныя логическія формы. Такъ какъ руководящіе слои больны тяжкимъ недугомъ ложной цивилизаціи, то и оздоровленіе этихъ слоевъ можетъ послѣдовать только чрезъ пріобщеніе къ духу народной жизни. А духъ народа требуетъ, чтобы всякое дѣло, всякое преобразованіе въ жизни выходило только изъ одной идеи, идеи православія.

эта и мыслителя будутъ входить въ наше славянское самосознаніе.

Хоть эту идею народъ не разумѣетъ отчетливо, научно; но она проникаетъ все существо его и выражается жаждою великаго, всенароднаго, всебратскаго единенія во имя Христово, прежде всего единенія съ соплеменниками и единовѣрными. Конечная цѣль славянофиловъ — самостоятельность; идеалъ ихъ — самостоятельное, на коренныхъ началахъ русской природы основанное развитіе, а не на началахъ образованія, заимствованнаго извнѣ, выработаннаго на другой почвѣ.

О ПОЭТИЧЕСКИХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ

А. С. ПУШКИНА.

Рѣчь,

сказанная въ Варшавскомъ Русскомъ Собраніи 4 іюня 1880 г.

А. С. Пушкинъ, по справедливости, называется родоначальникомъ русской художественной поэзіи. Была у насъ и до Пушкина изящная словесность, были и до него болѣе или менѣе славные поэты, но ихъ нельзя назвать поэтами художниками. Оды Ломоносова и Державина, трагедіи Сумарокова, повѣсти Карамзина и др. произведенія XVIII ст. пользовались въ свое время громкою славою; но въ настоящее время они уже не восхищаютъ общества, не питаютъ эстетическаго его чувства. Это отъ того, что они не были самостоятельными, писались подъ вліяніемъ иностранныхъ образцовъ, далеки были отъ дѣйствительной жизни, не запечатлѣны истинной художественной правдой; лирическія произведенія часто состояли изъ набора пышныхъ фразъ, въ эпической поэзіи и драмѣ изображались неестественные герои добродѣтели и порока.

Жуковскій своими произведеніями показалъ, въ чемъ должна состоять истинная поэзія, показалъ, что она должна живо, наглядно и естественно рисовать образъ предмета, изображать внутренній духовный міръ человѣка — его мысли, чувства и желанія и передавать все это изящной гармонической рѣчью. Но все таки въ созданіяхъ Жуковскаго поэзія является не столько искусствомъ, сколь-

ко провозвѣстницею внутренней жизни человѣка. Она обогатила русскую поэзію содержаніемъ, указавъ ей на богатые источники европейской поэзіи, и только. Отраженія русской дѣйствительной жизни въ ней очень мало, и самыя изображенія этой жизни не удачны.

Пушкинъ первый освободилъ русскую литературу отъ подражательности и далъ ей самобытное направленіе. Онъ создалъ новую самостоятельную русскую поэзію. Главная отличительная черта его поэзіи — художественность, которая ясно сказывается во всѣхъ его произведеніяхъ.

Какъ поэтъ-художникъ, Пушкинъ создалъ своей фантазіей по истинѣ прекрасные образы для воплощенія той или другой идеи; такъ что идея сквозь нихъ ясно просвѣчиваетъ. Въ своихъ произведеніяхъ онъ знакомитъ насъ съ самыми характеристическими особенностями предметовъ природы и явленій человѣческой жизни. Изображаемые имъ предметы и явленія природы являются предъ нами совершенно пластическими, какъ бы живыми и осязательными, мысли и чувства передаются съ совершенной естественностью, искренностью и простотою. Здѣсь нѣтъ ни преувеличенія, ни уменьшенія, нѣтъ ничего мечтательнаго и ложнаго, и потому, по справедливости, Пушкинъ называется поэтомъ дѣйствительности.

Но преимущественно Пушкинъ былъ поэтомъ дѣйствительности русской, потому что предметомъ его поэзіи главнымъ образомъ была русская природа и русскій человѣкъ. Такъ какъ Пушкинъ хорошо понялъ духъ русскаго народа и вѣрно выразилъ въ своихъ произведеніяхъ существенныя свойства его, то онъ смѣло можетъ быть названъ вполнѣ національнымъ поэтомъ. По словамъ Гоголя, въ Пушкинѣ, какъ будто въ лексиконѣ, заключалось все богатство, сила и гибкость нашего языка; въ немъ русская природа, русская душа, русскій языкъ, русскій характеръ отразились въ такой чистотѣ, въ такой очи-

щенной красотѣ, въ какой отражается ланшафтъ на выпуклой поверхности оптическаго стекла.

При изображеніи дѣйствительности П. обходилъ темную, пошлую сторону ея и останавливался преимущественно на свѣтлой сторонѣ — эстетической. Но свѣтлымъ въ его поэзіи является не одно только высокое, которое онъ умѣлъ представить во всемъ его идеальномъ блескѣ и величіи, но и самые обыкновенные предметы, которые онъ умѣлъ сдѣлать привлекательными. Обладая любовью къ изящному, Пушкинъ находилъ прекрасное и тамъ, гдѣ на первый взглядъ оно не замѣтно,—онъ даже и въ дождливой осени нашелъ свою красу, пріятную для души и очаровательную для глазъ и представилъ полную художественности картину „пышнаго природы увяданья“ [1]).

Поэтическій талантъ Пушкина отличался удивительнымъ разнообразіемъ и гибкостію, — это былъ талантъ всеобъемлющій. Въ своихъ произведеніяхъ Пушкинъ передавалъ самыя разнообразныя впечатлѣнія, которыя онъ получалъ и отъ окружавшей его современной жизни, и отъ окружавшихъ его людей, и отъ созерцанія предметовъ и явленій природы, и наконецъ отъ чтенія книгъ. Въ одно и то же время онъ изображалъ и дѣйствительную русскую жизнь, и красоты природы, воспроизводилъ прошедшую жизнь и создавалъ общечеловѣческіе типы, заимствуя для этого матеріалъ не только изъ русской жизни, но и изъ жизни другихъ народовъ. Онъ не стѣснялся однимъ какимъ нибудь родомъ поэзіи, но дѣйствовалъ во всѣхъ, и во всѣхъ показалъ себя настоящимъ мастеромъ: былъ превосходнымъ лирикомъ, такимъ же драматургомъ и эпикомъ.

Но великимъ во всѣхъ родахъ поэзіи Пушкинъ сдѣлался не сразу, а постепенно. Начавши съ мелкихъ лирическихъ произведеній, не имѣющихъ серьезнаго содер-

---

[1]) Пушкинъ говорилъ: „Некрасивыхъ пейзажей нѣтъ! Жизнь есть вездѣ, даже подъ снѣгомъ и среди самой убогой природы“ (Зап. Смирн., стр. 212).

жанія, онъ постепенно доходилъ до самыхъ серьезныхъ, глубокихъ; въ болѣе зрѣломъ возрастѣ онъ представилъ намъ совершеннѣйшіе образцы въ эпическомъ и драматическомъ родѣ.

Болѣе всего у Пушкина эпическихъ произведеній. Первыя эпическія произведенія, написанныя Пушкинымъ въ юномъ возрастѣ, носятъ на себѣ слѣды подражанія иностраннымъ образцамъ. Но и по нимъ можно было судить, что въ авторѣ возникаетъ великій поэтическій талантъ. Въ первомъ большомъ эпическомъ произведеніи— «Русланѣ и Людмилѣ» ясно сказались сила, живость и разнообразіе поэтическаго таланта Пушкина. Хотя содержаніе этой поэмы чисто фантастическое, навѣянное чтеніемъ легкихъ французскихъ произведеній и русскихъ сказокъ и былинъ; все таки оно читалось и теперь читается съ большимъ интересомъ. Вниманіе читателя возбуждается и поддерживается до конца поэмы тѣмъ, что авторъ рисуетъ самые живые, занимательные и разнообразные фантастическіе образы и сцены, дѣлаетъ отступленія, неожиданныя обращенія къ постороннимъ предметамъ, незамѣтно переноситъ разсказъ изъ одного мѣста въ другое, и все это излагаетъ стихами звучными и легкими, которые, по выраженію одного современнаго Пушкину критика, „катятся жемчугомъ по бархату“.

Слѣдующія эпическія произведенія Пушкинъ писалъ подъ другимъ вліяніемъ, именно подъ вліяніемъ чтенія Байрона. Они серьезнѣе Руслана; но попытки изобразить современныхъ людей, взятыхъ изъ дѣйствительной жизни, въ этихъ произведеніяхъ все-таки оказались неудачными. Здѣсь являются въ довольно неопредѣленныхъ чертахъ и Кавказскій плѣнникъ, и Черкешенка, и Алеко, и Земфира. Вполнѣ удалось Пушкину нарисовать только характеръ Цыгана, съ его патріархальною простотою и искренностью чувства. Это дѣйствительно прекрасное созданіе. Но особенно превосходны и вполнѣ художественны въ этихъ произведеніяхъ картины южной природы, величе-

ственныя картины Кавказа, мягкія, нѣжныя и увлекательныя картины Крыма.

Съ 1824 г. Пушкинъ начинаетъ освобождаться отъ вліянія иностранныхъ образцовъ, въ 1825 г. онъ писалъ по поводу задуманной драмы «Борисъ Годуновъ»: „я знаю, что силы мои развились совершенно, и чувствую, что могу творить". Съ этого времени и эпическія его произведенія носятъ на себѣ печать самобытнаго творчества. Между ними романъ «Евгеній Онѣгинъ», по справедливости, считается лучшимъ и важнѣйшимъ произведеніемъ. Это поэма современной поэту дѣйствительной русской жизни не только со всею ея поэзіею, но и со всею прозою; въ ней отразилась русская жизнь, какъ самъ поэтъ видѣлъ ее и наблюдалъ. Хоть кратко, но живо воспроизведены здѣсь жизнь и интересы и столичнаго, и деревенскаго дворянскаго общества того времени, мимоходомъ захвачено и крѣпостное сословіе. Выведенныя здѣсь лица всѣ обрисованы удачно, какъ мужскія, такъ и женскія, и представляютъ собою вполнѣ художественные поэтическіе образы, выхваченные изъ дѣйствительной жизни. Весьма важное достоинство этого романа составляетъ и вѣрное дѣйствительности и прекрасное изображеніе нашей сѣверной, непригладной природы, изображеніе, дающееся только великимъ мастерамъ, которые и въ самыхъ обыкновенныхъ, повидимому, въ невзрачныхъ картинахъ умѣютъ найти прекрасное.

Драматическихъ произведеній у Пушкина не много; но такъ какъ онъ написалъ ихъ въ періодъ полной зрѣлости своего поэтическаго таланта, то они сразу являются со всѣми достоинствами чисто художественныхъ произведеній. Цѣльная драма у Пушкина одна, это — «Борисъ Годуновъ», но она лучше всѣхъ, какія были у насъ до нея, да и послѣ нея нѣтъ пока равной ей. По словамъ Гоголя, „это высокое, глубокое произведеніе, заключенное во внутренней неприступной поэзіи, отвергнувшее

всякое грубое, пестрое убранство, на которое обыкновенно заглядывается толпа". Она образецъ драмы, въ духѣ Шекспира, вѣрно воспроизводящей прошлую нашу историческую жизнь, дѣйствительныхъ людей со всѣми истинными свойствами ихъ характеровъ, какъ хорошими, такъ и дурными.

Въ своихъ драматическихъ сценахъ Пушкинъ обнаружилъ свойство величайшаго поэтическаго генія, не стѣсняемаго узкою сферою творчества, а способнаго переноситься духомъ въ разныя сферы, въ разные вѣка и страны и быть вездѣ, какъ у себя дома. Въ «Скупомъ рыцарѣ» онъ переноситъ насъ въ міръ среднихъ вѣковъ Западной Европы и знакомитъ со складомъ жизни и интересами тогдашняго общества; въ «Каменномъ гостѣ» мы вмѣстѣ съ поэтомъ переносимся мыслями въ волшебную страну — Испанію, гдѣ ночь лимономъ и лавромъ пахнетъ, дышемъ воздухомъ ея, возбуждающимъ страсть; въ «Русалкѣ», насквозь проникнутой истинностью русской народной жизни, знакомимся съ міромъ древней Руси. Во всѣхъ этихъ сферахъ Пушкинъ нашелъ богатые матеріалы, изъ которыхъ онъ создалъ истинно реальные характеры, общечеловѣческіе типы.

Лирическія и небольшія эпическія произведенія Пушкинъ началъ писать съ 14-лѣтняго возраста и продолжалъ до конца своей жизни. Эти стихотворенія не одинаковы. Написанныя въ раннемъ возрастѣ не отличаются серьезностію содержанія и художественностью отдѣлки. Но и въ нихъ можно встрѣтить и остроумныя мысли, и даже иногда художественно нарисованный образъ; главное же, въ нихъ выразилось довольно большое разнообразіе темъ, сюжетовъ и способовъ ихъ выраженія. Большею частію эти произведенія написаны звучными и сильными стихами. Не даромъ знаменитые люди того времени — Державинъ, Карамзинъ, Жуковскій и др. провидѣли во всемъ этомъ свойства возникающаго генія.

Стихотворенія ознаменованныя самобытностью творчества Пушкина — лучшія и совершеннѣйшія произведенія русской литературы, русской лирики. Они обаятельны и прекрасны. Простота и обаяніе ихъ красоты выше всякаго выраженія, по словамъ нашего знаменитаго критика Бѣлинскаго, — это музыка въ стихахъ, скульптура въ живописи. Нѣкоторыя изъ мелкихъ произведеній Пушкина, говоритъ Гоголь, такъ рѣзко ослѣпительны, что ихъ способенъ понимать всякій; но за то большая часть изъ нихъ и притомъ самыхъ лучшихъ кажется обыкновенною для многочисленной толпы. Въ нихъ нѣтъ краснорѣчія, а одна только поэзія, нѣтъ никакого наружнаго блеска, который раскрывается не вдругъ; все лаконизмъ, какимъ всегда бываетъ чистая поэзія, — словъ не много, но они такъ точны, что обозначаютъ все; небольшая пьеса стоитъ цѣлой поэмы.

Удивительная способность Пушкина — переноситься во всѣ сферы жизни сказалась и въ мелкихъ его произведеніяхъ, — въ нихъ онъ рисуетъ красоты и эллинскаго міра, и Италіи, и Испаніи, воспроизводитъ міръ магометанско-арабскій, восточный, міръ славянскій и разныя стороны русскаго міра.

Чувство, лежащее въ основаніи лирическихъ произведеній Пушкина, отличается нѣжностью и задушевностью, — оно всегда тихо, кротко и человѣчно. Въ этихъ произведеніяхъ онъ почти ничего не отрицаетъ, но на все смотритъ съ любовью и благословеніемъ; врага-ненавистника онъ не проклинаетъ, а молитъ о немъ:

о Боже! возврати
Твой міръ въ его озлобленную душу.

Грусть у Пушкина иногда была сильна и глубока; но онъ все таки не способенъ былъ надолго отдаваться безотрадной тоскѣ, и всегда находилъ для себя успокоеніе и утѣшеніе. Послѣ нравственной апатіи и душевнаго отчаянія, которыя находили на Пушкина по временамъ и выражались въ стихотвореніяхъ мрачными мыслями,

у него обыкновенно являлись самыя возвышенныя и свѣтлыя созданія; послѣ стихотворенія «Даръ напрасный», въ которомъ выразилось тяжелое сомнѣніе въ цѣлесообразности жизни и безотрадная тоска, онъ написалъ прекрасное стихотвореніе, полное глубокой вѣры въ разумность существованія человѣка и міра, — это стихотвореніе «Въ часы забавъ иль праздной скуки», которое можно считать самымъ вѣрнымъ выраженіемъ истиннаго характера и направленія его поэзіи.

Въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ Пушкина выражается презрительное отношеніе къ черни, отчужденіе отъ нея; но и это не кладетъ мрачнаго пятна на свѣтлую личность поэта, всегда проникнутаго глубокою любовію къ человѣчеству. Въ этихъ произведеніяхъ Пушкинъ разумѣлъ подъ чернью не простой народъ, ни въ чемъ предъ нимъ неповинный, а людей особаго сорта, такъ называемую литературную тлю и безтолковую публику, которая раздражала его своими нападками и безсмысленными взглядами [1]).

Какъ поэтъ вполнѣ національный, Пушкинъ отличался высокимъ патріотизмомъ. Чувство его патріотизма нашло себѣ выраженіе во многихъ стихотвореніяхъ. Лица, содѣйствовавшія славѣ и величію нашего отечества, вызывали въ немъ благоговѣніе и восторгъ. Съ такими чувствами онъ вспоминаетъ о Кутузовѣ, Барклаѣ и др. Но особенный восторгъ возбуждала въ немъ личность Петра Великаго, творца русскаго величія и путеводной звѣзды

---

[1]) Стихотвореніе «Чернь» есть именно отвѣтъ со стороны поэта его непризваннымъ, лицемѣрнымъ судьямъ, какъ въ обществѣ, такъ и журналистикѣ. Что Пушкинъ обращался въ немъ не къ народной черни, а къ пустой толпѣ свѣтской, это видно, между прочимъ, изъ любопытнаго разсказа Шевырева о чтеніи стихотворенія самимъ авторомъ въ салонѣ кн. З. Волконской: „На одномъ изъ собраній пристали къ Пушкину, чтобы прочесть. Въ досадѣ онъ прочелъ «Чернь» и кончивъ съ сердемъ сказалъ: Въ другой разъ не станутъ просить“ (Пушк. Л. Майкова, стр. 331 и 347).

русскаго народа. Прославленію этого дивнаго русскаго великана Пушкинъ посвятилъ двѣ поэмы — «Полтаву» и «Мѣдный Всадникъ». Но колоссальный образъ Петра живѣе всего обрисованъ имъ въ небольшомъ стихотвореніи «Стансы»; его Пушкинъ изобразилъ здѣсь въ слѣдующихъ стихахъ:

То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,
Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ.

Словъ не много, но они стóятъ цѣлой героической поэмы.

Ревнуя о славѣ, чести и достоинствѣ своего отечества, какъ истинно русскій человѣкъ, Пушкинъ зналъ цѣну русскаго имени, не боялся произносить это имя и смѣло повторялъ его съ благородной гордостью въ то время, когда враги нашего отечества старались запятнать, очернить насъ. Доблестное, гражданское чувство, народная гордость, проникавшая его истинно русскую натуру, выражены имъ въ двухъ патріотическихъ стихотвореніяхъ, написанныхъ въ 1831 г. Чтеніе этихъ стихотвореній особенно благотворно для русскаго человѣка-патріота въ тяжелыя минуты жизни нашего отечества, — оно гонитъ прочь уныніе и мрачныя мысли, вливаетъ въ сердце отраду, раждаетъ въ душѣ свѣтлыя надежды, и кто послѣ душевнаго успокоенія не повторитъ тогда дорогихъ словъ Пушкина:

Въ надеждѣ славы и добра
Гляжу впередъ я безъ боязни!

Поэзія Пушкина, какъ родоначальника, заключала въ себѣ сѣмена всѣхъ послѣдующихъ рóдовъ и видовъ русской художественной поэзіи. Наши поэты, слѣдовавшіе за Пушкинымъ, лишь продолжали и продолжаютъ начатое имъ. Нѣкоторые изъ нихъ пошли дальше его, но

только въ одномъ какомъ либо родѣ, и ни одинъ изъ нихъ еще не можетъ сравниться съ нимъ по обширности таланта. Гоголь великій поэтъ, но великъ онъ только въ изображеніи темной стороны жизни, притомъ же главная мысль лучшихъ его произведеній — «Ревизора» и «Мертвыхъ душъ» внушена ему геніемъ Пушкина. У Лермонтова поэтическіе образы болѣе мощные, но менѣе совершенные и блестящіе; да и предметы его поэзіи не столь разнообразны, какъ у Пушкина. Тургеневъ вполнѣ художественно изобразилъ наше крѣпостное сословіе и мелкое барство, — по классической простотѣ изображенія и по реальной правдѣ, онъ равняется Пушкину, но только въ области эпической поэзіи. То же нужно сказать и о другихъ нашихъ знаменитыхъ поэтахъ.

Отецъ русскаго словеснаго искусства, Пушкинъ оказалъ и оказываетъ не малое вліяніе и на другіе виды русскаго искусства. Наши знаменитые музыкальные композиторы — Глинка, Даргомыжскій и др. часто вдохновлялись въ своемъ творчествѣ произведеніями Пушкина; многія изъ лучшихъ нашихъ музыкальныхъ произведеній написаны или на слова Пушкина, или по его произведеніямъ, таковы: «Русланъ и Людмилла» Глинки, «Русалка» и «Каменный гость» Даргомыжскаго, «Евгеній Онѣгинъ» Чайковскаго и многія др. Созданные Пушкинымъ поэтическіе образы вызывали и будутъ вызывать художественныя произведенія и въ живописи и въ скульптурѣ.

Своими поэтическими произведеніями Пушкинъ пріобрѣлъ себѣ право быть воспитателемъ общества, читающаго ихъ, не только въ Россіи, но и за предѣлами ея, особенно у Чеховъ, которые уже давно признали благотворное вліяніе произведеній Пушкина и усердно читаютъ ихъ. Какъ произведенія художественныя, представляющія прекрасные поэтическіе образы, выраженные прекрасною рѣчью, стихами, полными гармоніи, они развиваютъ и образовываютъ въ читателяхъ эстетическое чувство, облагороживающее человѣка и пробуждающее въ немъ добрые инстинкты. Подъ вліяніемъ изящныхъ его

произведеній люди становятся лучше, добрѣе, гуманнѣе; они дѣлаются болѣе чуткими, болѣе отзывчивыми на страданія и отвращаются отъ всего низкаго и пошлаго, жосткаго и безчеловѣчнаго; они съ большимъ уваженіемъ относятся къ достоинству человѣка, хотя бы это достоинство было унижено въ немъ, хотя бы человѣкъ представлялъ собою паденіе человѣческой природы.

Такое воспитательное значеніе своей поэзіи Пушкинъ самъ выразилъ въ своемъ «Памятникѣ» слѣдующими стихами:

И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что въ мой жестокій вѣкъ возславилъ я свободу
И милость къ падшимъ призывалъ.

ДОПОЛНЕНІЯ.

Къ примѣч. 2 на 8 стр. Соч. П. подъ р. Морозова, т. V, стр. 110—133. Въ своихъ критическихъ замѣткахъ 1830—31 г. П. писалъ: „При появленіи VII пѣсни Онѣгина журналы вообще отозвались о ней весьма неблагосклонно. Въ одномъ изъ нашихъ журналовъ сказано было, что VII глава не могла имѣть никакого успѣха, ибо нашъ вѣкъ и Россія идутъ впередъ, а стихотворецъ остается на прежнемъ мѣстѣ. Рѣшеніе несправедливое (т. е. въ его заключеніи). Вѣкъ можетъ идти себѣ впередъ, и науки, философія, гражданственность могутъ усовершенствоваться и измѣняться, но поэзія остается на одномъ мѣстѣ, цѣль ея одна, средства тѣ же. Произведенія великихъ поэтовъ остаются свѣжи и вѣчно юны, и между тѣмъ какъ великіе представители старинной астрономіи, физики, медицины и философіи одинъ за другимъ старѣютъ и одинъ другому уступаютъ мѣсто, одна поэзія остается на своемъ мѣстѣ неподвижно и никогда не теряетъ своей младости“ (Соч. П., т. V, 130).

По поводу рѣзкой и придирчивой статьи Надеждина о шутливой повѣсти «Графъ Нулинъ» П. писалъ: „Безнравственное сочиненіе есть то, коего цѣлію или дѣйствіемъ бываетъ потрясеніе правилъ, на коихъ основано общественное счастіе или достоинство человѣческое. Стихотворенія, коихъ цѣль горячить воображеніе любострастными описаніями, унижаетъ поэзію, превращая ея божественный нектаръ въ воспалительный составъ, а музу въ отвратительную колдунью. Но шутка, вдохновенная сердечною веселостію и минутною игрою воображенія, можетъ показаться безнравственною только тѣмъ, которые о нравственности имѣютъ дѣтское или темное понятіе, смѣшивая ее съ нравоученіемъ и видятъ въ литературѣ одно педагогическое занятіе“ (Соч. П., т. V, стр. 123).

Примѣч. къ 4 строкѣ на 52-й страницѣ. „Началъ я писать съ 13-лѣтняго возраста и печать почти съ того же времени. Многое я желалъ бы уничтожить, какъ недостойное даже и моего дарованія, каково бы оно ни было. Иное тяготѣетъ, какъ упрекъ на моей совѣсти. По крайней мѣрѣ не долженъ я отвѣчать за перепечатаніе грѣховъ моего отрочества, а тѣмъ паче за чужія проказы“ (Соч. П. подъ ред. Морозова, т. V, стр. 113).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Изъ послѣднихъ лѣтъ жизни и дѣятельности А. С. Пушкина: его жизненныя невзгоды, литературные взгляды, религіозныя воззрѣнія и идеальныя стремленія (читано съ сокращеніями на торжественномъ актѣ Императорскаго Варшавскаго Университета въ Александровской залѣ Ратуши 26 мая 1899 г.). 1

Памяти А. С. Пушкина. Историческіе и общественные взгляды его 34

О поэтическихъ произведеніяхъ А. С. Пушкина 60

Дополненія 71

Портретъ А. С. Пушкина (копія съ портрета, рисованнаго Кипренскимъ въ 1827 году).

Stanford University Libraries
3 6105 124 448 031

PG
3350
Z85G8

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.